РАКЕТЧИК ЗВЕЗДНОЙ ВОЙНЫ

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Валерий Большаков

Ракетчик звездной войны

«Автор»

2026

Большаков В. П.

Ракетчик звездной войны / В. П. Большаков — «Автор», 2026

Пятьдесят шесть граждан СССР – ученых и военных – оказываются на далекой планете, за десятки парсек от Земли. Полковник ракетных войск Кузьмичев, назначенный начальником гарнизона первой советской внеземной базы, еще не знает, что он – легенда. Ведь из-за флуктуаций при гиперпереходе экспедиция перенеслась не только в пространстве, но и во времени – на 250 лет вперед.Профессия военного – защищать Родину. Советского Союза больше нет? Но граждане великой страны – вот они, весь персонал базы. И Кузьмичев крепит оборону, не давая в обиду советских людей, поневоле ставших космическими робинзонами, ни инопланетным чудовищам, ни внутренним врагам. А когда на базу нападут чужие… Мало им не покажется! Полковник прикрывал от бомбежек Египет и Вьетнам, он сумеет очистить небо новой планеты от вражеских звездолетов!

© Большаков В. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 50

Валерий Большаков
Ракетчик звездной войны

Валерий Большаков

Ракетчик звездной войны

Часть первая. «НАШИ»

Глава 1. РОД ВОЙСК – ГЕРОЙ

Вьетнам, провинция Куангбинь. 1973-й год

Пулеметная очередь выстригла в джунглях прокос – шесть струй раскаленных кусочков металла, увесистых и губительных, мочалили и щепили бамбук, рвали и шинковали плотные листья фикусов.

Пулемет был электрический, палил из шести стволов, по сто пуль в секунду, и отдельные выстрелы сливались в сплошной гремящий вой.

– Ложись! – майор Кузьмичев в прыжке столкнул в грязь растерявшегося Марка Виштальского.

Очередь скосила верхушку пальмы, и в прогале показалась тупая застекленная морда вертолета «Хьюз».

За распахнутой дверцей скалился американер в бронежилете на голое тело. Он жал на гашетки и трясся так, что каска сползала ему на глаза.

– С-сука! – обозвал майор борца за гниющий империализм и послал хорошую порцию из «калаша».

Заполучи!

Американера отбросило в кабину, пулемет заглох.

Вертолет, хлеща лопастями, отвалил, кренясь на бок, и унесся прочь – от греха подальше.

– Марк! – позвал Кузьмичев старлея. – Хватит вылеживаться. Подъем…

Старший лейтенант Виштальский поднялся на колени и встал.

– Я уж думал – все… – выговорил он вздрагивающим голосом. – Готовьте к отправке «груз 200»…

– Не дождутся, – буркнул майор и прокричал, сложив ладони рупором: – Нгуэн! Лим! Тьен!

Маленькие, похожие на подростков бойцы НОАВ[1] показались из зарослей.

– Мот саум! Хай саум! Ба саум![2] – четко доложили номера расчета.

Кузьмичев в двух словах обрисовал задачу, и солдатики в зеленых гимнастерках без погон, в смешных пробковых шлемах, бросились к ракете.

Изящная С-75[3] возлежала на прицепе. «Те тао тай Лиенсо[4]».

Могучий «КрАЗ» на широченных шинах взревел дизелем и выволок установку на новую позицию.

---

[1] НОАВ – Народно-освободительная армия Вьетнама.

[2] С вьетнамского – «Первый готов! Второй готов! Третий готов!»

[3] Зенитная ракета СА-75М «Двина».

[4] В переводе с вьетнамского – «Сделано в СССР».

– Товарищ майор, а как вы их различаете? – спросил Виштальский. – По мне, так что Во Нгуен, что Лим. Они ж одинаковые, как огурцы с Привоза!

– Это поначалу они все на одно лицо, – ответил Кузьмичев и махнул рукой Фи Хунгу, усердно ворочавшему руль тягача. – Потом уже замечаешь разности… И хватит меня по званию величать! Тут тебе не штаб, чтобы каблуками щелкать.

– А… как? – растерялся Марк.

– А как все, – усмехнулся майор. – Кузьмичом. Я и привык уже…

Медсестричка Лиен, миниатюрное, большеглазое создание, прошла мимо, лукаво косясь на Кузьмичева.

Зеленая форменка плотно обтягивала ее фигурку, через плечо висела медицинская сумка. Лиен шагала к реке, негромко напевая и расплетая длинную черную косу.

Река Бенхай шумела неподалеку, за великанскими деревьями сау.

Ее чистые воды, стекшие с гор, еще не напитались грязью с рисовых чеков – пить нельзя, но искупаться можно. Если, конечно, не страшишься холода. Лиен не страшилась.

Майор быстро поскидывал предметы одежды, и тоже спустился к реке. Марк с замиранием сердца прислушался.

Его ожидания не были напрасны – вскоре он уловил горячие стоны, перебивавшие журчание воды.

– Нас не засыпать «Шрайками»[5], – пробормотал он слова песенки, сочиненные таким же, как он, военспецом из Союза, – снабдите лучше «Райками»… Хоть «Зинкою», хоть «Валькою», хоть «Катькою» хромой… – Марк вздохнул, послушал завистливо сладострастные аханья, и закончил: – Пусть по ночам кошмарные и индивидуальные приходят к нам видения из «сфэры половой»…

Слово «сфера» все почему-то пропевали именно через «э».

Может, автор был родом из Одессы? Виштальский и сам родился на Молдаванке, и пел с отменным одесским выговором. Эх, спеть бы после свидания! Везет же Кузьмичеву…

Майор вскоре вернулся, спокойный и удоволенный.

– Това… Кузьмич! – обратился Марк. – А у Лиен подружки нет, случайно? Я имею интерес, чтобы познакомиться с девушкой.

Георгий усмехнулся.

– Можешь не объяснять, – сказал он. – Я сам, пока Лиен не нашел, не знал, куда деваться. Ну, Лиен ты не получишь, и не надейся, потерпи до Ханоя. Сейчас, вот, отстреляемся, и вернемся. Я тебя познакомлю с Хоа…

– А она хорошенькая? – оживился Марк.

– Лялечка! «Хоа» по-вьетнамски «цветок». У нее, как у Лиен, лицо красивенькое – тоненькое такое… Но! – майор поднял палец и сказал строгим тоном: – Осторожность и еще раз осторожность! Если вас застукают местные особисты, то тебе, как ракетчику, может, и простится, а вот девку твою загребут. У них тут закон действует такой, под номером «10-67». Девок за связь с иностранцем они не расстреливают, действуют куда гаже – отправляют «грешниц» в особую «Четвертую зону». А там постоянные бомбежки, и уцелеть мало кому удается… Понял?

– Понял, – серьезно сказал Виштальский. – А… долго нам еще отстреливаться?

– Часа два, от силы, – ухмыльнулся Кузьмичев. – Те вертолетчики наверняка уже доложились, куда надо, и по нашему следу пустили авиацию. Скоро тут будет жарко, Марк.

Рядом прошла Лиен. Девушка ласково улыбалась майору и вытирала мокрые волосы вафельным полотенцем.

Сошлись Запад и Восток…

---

[5] «Шрайк» – американская ракета, предназначенная для борьбы с ракетами ПВО.

Марк проводил прекрасное виденье глазами и уже по-иному вслушался в шепот джунглей.

Вспомнил, как пролетал на «вертушке» – внизу курчавились сады, блестели водой квадратики рисовых полей – и краснели воронки.

Их было много, следов от разрывов бомб, и скольких людей посекли острые как бритва осколки?

А сколько живых факелов, визжа и дергаясь от нестерпимой боли, сгорело под выплесками напалма? Баки с этой студенистой дрянью воронок не оставляли, выжигали только черные гари в зеленом покрове леса.

А чем лучше фосфорные бомбы? Их адские гранулы глубоко врезались в плоть, а когда до них добирался скальпель хирурга, шарики вспыхивали, и раненые заживо, в корчах, сгорали на операционном столе…

– Как же я их всех ненавижу, – воскликнул Виштальский, сжимая кулаки, – всех этих американосов! Поубивал бы, гадов!

– Скоро тебе такая возможность представится, – усмехнулся Кузьмичев и прислушался. – Очень скоро. Хуанг! Тревога! Все по местам!

С юга подлетал легкий F-105 «Тандерчиф» – разведчик и приманка. Марк, глубоко и взволнованно дыша, влез за майором в тесную кабину наведения. Поглядел на экран локатора и перестал дышать.

– Цель с востока, – крикнул оператор, – идет на группу!

– Это «Фантомы»… – пробормотал Кузьмичев, и резко залопотал на вьетнамском, отдавая команды стартовикам.

Антенна мгновенно развернулась к югу.

– Третья в боевом положении!

– Принято.

– Вторая в боевом!

– Принято. Даю подготовку.

– Азимут сто двадцать, дальность двадцать два.

– Перейти на АС![6]

– Есть АС!

– Расчет в укрытие!

– Второй взвод в укрытии!

– Третий в укрытии.

– Принято.

А Марк совершенно обалдевал от жары и духоты. Офицеры, сидевшие в кабине, были мокрыми, а под каждым вращавшимся стульчиком расплывалась лужа пота.

– Первая, пуск!

– Есть, первая пуск!

Остроносая ракета, заваленная ветками, так и взлетела, раскидывая ворох листьев в нарушение всех инструкций, внося в них фронтовые поправки. С громовым шипеньем, распушив рыжий хвост, С-75 сорвалась с направляющих и понеслась иглой навстречу серебряному крестику «Тандерчифа». Укол!

Самолет расплылся оранжево-копотным облачком…

А локаторы уже переброшены к востоку.

«Фантомы» приближались, с ревом проносясь по-над самой рекой и вздымая за собой водяные столбы.

– По ведущему! Пуск!

---

[6] Автоматическое сопровождение.

Хватило одной ракеты.

«F-4», летевший впереди ударной группы, вспыхнул ярким факелом и закувыркался клубами огня к земле. Бухнуло. Потянулся в синее небо черный шлейф дыма. Ведомый круто развернулся для удара по позициям зенитно-ракетного дивизиона.

– «Шрайками» бить будет, зараза… – проговорил майор, наблюдая за пикирующим истребителем.

Вьетнамцы, обычно храбрые как смертники, не выдержали войны нервов. Вид зловещего силуэта истребителя с загнутыми на концах крыльями, с ревом налетающего с небес, пугал их – обслуга разбежалась. Может, «Фантомы» казались вьетнамцам огнедышащими драконами?

– Нас не засыпать «Шрайками»… – пробормотал Марк, желая оборотиться Очень Маленьким Существом.

– Старлей! – крикнул Кузьмичев. – «Ложный пуск»! Живо!

– А? А-а! – старлей всплыл из сумерек рассудка и включил передатчик управления уже выпущенным «изделием».

Ракета «Шрайк» настраивалась на сигнал локатора С-75 и шла по его же лучу. А когда срабатывала, то десятки тысяч металлических кубиков и стрелок выбрасывались из неё взрывом и пробивали насквозь все, что попадалось – ракеты, тягачи, людские тела…

– Пуск!

Шипенье «семьдесят пятой» слилось с ревущим накатом «Фантома» и родило раскалывавший небо грохот.

Огненное облако, сеющее дождь раскаленных обломков, опустилось за лес, черными контурами высвечивая деревья нян и да.

– Есть! – заорал Марк. – Есть!

– Погоди радоваться, – криво усмехнулся Кузьмичев. – Это только начало… Вон где основное-то гадство, гляди!

Он показал на экран локатора, сплошь покрытый помехами.

– Это прут бомбовозы с Гуама, – объяснил майор. – «Б-52». Их тут звено… Один, два… да, три штуки. И каждый тащит по тридцать четыре тонны фугасов. Видишь, сопровождение какое? Это штурмовики, а впереди идет целая эскадрилья «Уайлд Уиззл» – помехи ставят…

– И что делать? – шепотом спросил Виштальский.

– Надо понять, срочно и быстро, что у них что, и где! – сказал наставник. – Наша цель – бомбардировщики. Всякие «Крусайдеры» и «Скайхоки» городам не страшны, их отгонят. А вот «пятьдесят вторые»… Эти летят очень высоко, их только наши ракеты достанут. Врубай «ложный пуск»!

Не спрашивая, зачем, Марк врубил. Помехи на экране частично пропали. Стали заметны отдельные самолеты, причем одни из них крутились и маневрировали, растревоженные сигналом локаторов ЗРК, а другие перли по-прежнему.

– Ага! – удовлетворенно сказал Кузьмичев. – Попались. Видишь, эти не маневрируют? Это и есть «Б-52». Такую тушу сразу не развернешь! Вот, вся тройка идет… Групповую цель уничтожить! Тремя, очередью, темп шесть.

Поиск. Захват. Пуск. Круто в небо ушел рыжий столб пламени.

– Ну… Ну… – шептал старлей в горячке. – Есть! Ур-ра!

Громадный клуб разрыва указал на точное попадание в бомбовоз.

– Май бай ми гет! – заверещали вьетнамцы, что означало «Американский самолет сбит!»

– Штурмовики, блин… – проговорил майор, и тут же все вокруг погрузилось в огонь и гром. Мелко затряслась земля под ногами.

Загорелся боковой отсек ракеты, через секунду С-75 взорвалась.

СНР – станцию наведения ракет – разнесло прямым попаданием «Шрайка». Кабина РВ превратилась в дуршлаг, «КрАЗ» тяжело опустился на разорванных шинах.

– В рощу! – надрывался Кузьмичев, созывая подтянувшихся вьетнамцев. – В рощу, мать вашу! Веревки где?

Фи Хунг как белка запрыгнул в уцелевший «КрАЗ», дал гари и потащил ракету в чащобу кокосовых пальм.

– Вы что?! – крикнул Марк. – Оттуда же не стрельнешь!

– Главное, – оскалился командир МГ – маневренной группы, – что по роще не стрельнут! Мы ж русские, у нас мозги варят. Живее, живее! – прикрикнул он на персонал.

Прыгая на ухабах, продираясь сквозь кусты зуой, ракета заехала в кокосовую рощу.

– Цепляй!

Пока вьетнамцы забрасывали веревки на пальмы, стартовики готовили ракету к пуску. Нгуен Суан Дай подбежал к майору и отрапортовал:

– Готовы к бою одним каналом!

Поиск. Захват.

Кузьмич выглянул из кабины, и рявкнул:

– Давай!

Вьетнамцы, выстроившиеся в два ряда, преданно глядевшие в его сторону, дружно потянули за веревки – и раздвинули кроны пальм, освобождая ракете узкий коридор.

– Пуск!

Ракета, срывая пальмовые листья, ушла из зелени в синь.

И еще один «гриб» расплылся черным и желтым в вышине. Разваливаясь на куски, посыпался вниз «Б-52».

Не удалось вражине отбомбиться на деревнях и ГЭС, на улицах Ханоя и причалах Хайфона!

– Есть! – заорал Марк, приплясывая от возбуждения. – Есть!

– Потом поорешь, – осадил его командир. – Живо с позиции! Если не успеем передислоцироваться за сорок минут, штурмовики все тут перекопают на три метра вглубь. Беги, пошевеливай своих!

– Слушаюсь! – сказал Виштальский, отдал честь и убежал.

Ровно через полчаса все три дивизиона группы покинули позиции и переместились за реку, заняв узкую долинку меж двух гор.

* * *

Кузьмичев устало вылез из кабины «КрАЗа» и прошел под натянутую маскировочную сеть, где домовитый Хюи Куанг уже вкопал стол и поставил легкие плетеные стулья.

Майор сел, снял фуражку и отер потный лоб. Горячий выдался денек…

Он раскурил вонючую сигарету «Дьен Бьен» и стал бездумно смотреть, как трудолюбиво окапываются вьетнамцы, громоздя земляные валы вокруг ракетных установок.

Нерешительно приблизился Марк Виштальский.

– Присаживайся… – сказал Кузьмичев и стряхнул пепел в половинку шариковой бомбы.

Марк сел. Пальцем покачал полусферу, из толстой стенки которой выглядывали увесистые шарики.

– Спасибо вам, Георгий Алексеич!.. – выпалил он внезапно.

– За что? – спокойно спросил майор.

– За науку!

– Ну, ученый здесь как раз ты, – усмехнулся Кузьмичев.

Виштальский кивнул.

– Да, – признался он. – Но, когда испытываешь ракету на Капустином Яре, переживаешь совсем другие ощущения… Восторг! Гордость! А здесь все иначе. Тут война. Да и какой с меня ученый… Вот дядька мой, тот – да!

Марк помолчал, испытывая внутренние колебания, и договорил:

– Дядя Трофим такую штуку готовит… Никакие бомбовозы американеров не спасут. Д-процесс![7]

– Дэ… что? – лениво удивился Кузьмичев.

– Д-процесс, – повторил Марк. – Это такая штука… Выход в гиперпространство! Дядя делал вычисления… В общем, если выйти в гипер, то можно любой материальный предмет перебросить за считанные месяцы, даже недели, хоть за сто световых лет! Вроде тут нарушение, да? Выше-то скорости света двигаться нельзя. А никаких нарушений и нет. Скорость света абсолютна для обычного континуума, а предмет станет двигаться в гиперпространстве, где нет ни времени, ни расстояний! Здорово?

– Здорово, – согласился Георгий. – Только, вот, неясно, в каком веке это доведут до ума.

– В этом! – решительно заявил Виштальский. – Дядя ручается. Говорит, еще лет пять, и все получится!

– И будем мы бомбы на американеров сыпать с доставкой на дом… – усмехнулся майор.

– Да! – горячо сказал старлей. – Пусть на своей шкуре узнают, каково это – живьем гореть! Откроем устье гиперканала, и вывалим контейнеры с шариковыми бомбами! – Марк крутанул пепельницу. – И пусть падают на улицы Нью-Йорка! На Уолл-стрит! – помолчав, остывая, он заключил: – Не-е, Д-принцип – это сила…

Кузьмичев достал бутылочку рисовой водки луамой.

– Выпьешь? – предложил он Виштальскому.

Тот покачал головой.

– А я глотну… – майор слегка приложился и благодарно кивнул Лам Ван Литю, поставившему на стол миску с горячим рисом, заправленным острым соусом из мелких речных крабиков.

– Мы и так воюем с американами, – проговорил Кузьмич, не спеша. – Сейчас – здесь, а раньше в Корее, Венгрии, на Кубе, в Чехословакии, Египте… И еще не раз им жизни дадим. Это только так говорится – «холодная война». Лично для меня она куда как горяча. Пошли спать, Марк. Учись использовать время между налетами для сна и отдыха…

– И для личной жизни! – осклабился старший лейтенант.

– Правильно, куда ж без этого?

Лес надежно спрятал маневренную группу. Стемнело очень быстро, почти сразу, как повсюду в тропиках, и в сгустившейся тьме поплыли зеленоватые огоньки – светлячки «дон-дон».

Вьетнамцы засели по наблюдательным постам и высматривали подлетающие цели с повышенным рвением. Им было стыдно за бегство во время атаки, и бойцы изо всех сил оправдывали название, официально данное ракетчикам во Вьетнаме – «Род войск – Герой».

Глава 2. СЕКРЕТНЫЙ «ЯЩИК»

СССР, Первомайск, Николаевской области. 1982 г.

За Помошной потянулись поля, перегороженные лесополосами. Поезд бодро стучал на стыках рельс, по временам убыстряя или замедляя темп.

[7] Заметим, однако, что первыми Д-процесс «открыли» братья Стругацкие, а не дядя Трофим.

Полковник Кузьмичев ехал в плацкартном вагоне и вертел головой, то глядя в «свое» окно, то посматривая в то, что сквозило над боковыми местами.

Показались окраины Первомайска, и Георгий заинтересованно приник к пыльному стеклу – что за место новой службы?

Ну, это смотря с чем сравнивать, усмехнулся полковник.

Если с Байконуром, то тут не так жарко и пыльно, как в Тюратаме,[8] и не плоско – вон, какие кручи у балок!

Холмы, скалы… А зелени сколько! Нет, приятненький городишко…

Поезд загрохотал по железному мосту через Южный Буг.

С левой стороны, ниже по течению, лежал островок, вода белела бурливыми полосами, повторяя контур разрушенной плотины. На берегу высились здания старой мельницы.

А стук колес стихал. Поезд «Харьков – Одесса» уже не ехал, а подъезжал, тихонько подкатывался к станции.

Рельсовые пути умножились, развернулись. Маневровые тепловозы толкали составы, отцепляя грузовые платформы, стыкуясь с пассажирскими вагонами.

На высоких мачтах блестели прожектора, по левую руку тянулись приземистые, закопченные депо, а впереди, над путями, горбился виадук.

Поезд, словно из последних сил, дополз до перрона и остановился. Прибыли!

Пассажиры подхватились, засобирались, сгребая детей и багаж.

– Виталик, шо ты баланкаешься промеж ног? Иди прежде!

– Клава, ты куда дела сумку?

– А это што?

– То-олик! Толи-ик!

– Сёма, не имей эту привычку быть нервным на людях.

– Чемодан! Чемодан где? Ты об чем думаешь?

– Клава, успокойся, это прямо смешно…

Кузьмичев надел фуражку, подхватил чемоданчик (атташе-кейс, купленный на барахолке в Сайгоне) и вышел из машины.

Вокзал был небольшой, белый с голубым.

Георгий прошел залом ожидания и остановился за дверями с табличкой «Выход в город».

Перед ним лежала маленькая квадратная площадь с пересохшим фонтаном, выходившая на улицу Революции.

А перпендикуляром к ней шла улица Шевченко – слева двухэтажный «Универмаг», справа – незаметный кинотеатр имени Луначарского, в перспективе – нечто с колоннами, вероятно, местный исполком.

Кузьмичев пошагал по Шевченко. На углу розовой двухэтажки висели жестяные буквы, голубым по розовому извещавшие, что в доме имеется заведение для культурного досуга – «Ресторан «Южный Буг».

Подкрепиться, может? Да нет, рано еще… «Азу по-татарски», умятое в вагоне, держало аппетит в узде. А вот испить холодненького было бы очень кстати…

Напротив ресторации стояла желтая бочка с квасом. Жирная продавщица приняла десять копеек и отсчитала липкую сдачу. Большой бокал приятно освежил офицерский желудок, и Георгий пошагал бодрее.

С маленьких балконов, увешанных сохнущим бельем, раздавались пронзительные голоса мамаш, ведущие переговоры с соседками и подрастающим поколением:

– Са-аня!

---

[8] Тюратам – посёлок рядом с Байконуром. Именно так назывался 5-й полигон Министерства обороны, где испытывались космические ракеты.

– Ну, шо-о?

– Быстренько бежи помить шею!

– Петро! Що ж ты не доив мамалыгу?

– Теть Ва-аль… Да не люблю я эти шкварки!

– Да як жэ их нэ любыты?

– Му-уся! Муся-а-а!

– Шо ви так кричите?

Улица Шевченко, густо обсаженная акациями и каштанами, влилась в площадь Ленина. Сразу за памятником вождю мощно серел дворец с колоннами и куполами – Дом Советов.

Справа вытягивал бетонный навес кинотеатр, налево, стелясь меж почтамтом и гостиницей «Первомайск», уходила улица Карла Маркса.

И куда теперь? Совсем секретный «ящик», куда полковнику Кузьмичеву следовало явиться «для дальнейшего прохождения службы», находился на улице Автодоровской, 55.

Искать эту Автодоровскую? Или сначала снять номер?

Георгий поднял голову и прочитал: «Готель «Первомайськ».

– Кузьмич? – воскликнул кто-то радостно, и полковник оглянулся в изумлении.

На него, лучась и переливаясь, глядел Марк Виштальский, уже в погонах капитана.

– Марк?

Хохоча, капитан Виштальский бросился к Кузьмичеву и потряс его руку.

– Как же я рад вас видеть, товарищ наставник! – вскричал он.

– Да, могу себе представить, – улыбнулся Георгий южной экспансивности капитана.

– Ах, Кузьмич, мы же не дипломаты, к чему вы так говорите? А что вы все глядите на гостиницу?

– Да я, собственно, ищу «ящик номер ноль ноль семнадцать».

– Ну, и где же вы ищете? Вы считаете, «ящик» есть в гостинице? Так его там нет!

– Ты думаешь? – улыбнулся Кузьмичев.

– Кузьмич, – величественно сказал Марк, – когда я говорю, так я уже не думаю. Когда Марк говорит, он знает. Пойдемте, я доведу вас прямо до «ящика», и покажу город!

– Давай…

Они пересекли площадь, и через скверик вышли на улицу Ленина.

– Что я вам могу объяснить за город? – болтал Виштальский. – А ничего! Зачем говорить за город, когда о нем все сказала история? Тут, где сливаются Синюха и Южный Буг, кого только не было. И скифы ставили свои кибитки, и печенеги отметились, а хан Едигей водил сюда орду. Тут как бы три слободки. Это, – Марк повел рукой вокруг, – Голта. На том берегу Буга – Ольвиополь, а посередке – Богополь, там еще церковь есть – вон, отсюда видно… И что я расхваливаю Первомайск! – вдруг спохватился капитан. – Хорошенькое дело, я расхваливаю Первомайск. У вас есть глаза – так смотрите!

Перейдя улицу Ленина, капитан повел полковника по ступеням лестницы в парк.

Внизу, за аркой, лежала маленькая площадь с фонтаном, на нее выходил летний кинотеатр «Космос».

На силикатной стене висела афиша, извещающая, что сегодня идет индийский фильм «Месть и закон», а скоро ожидается показ «Отроков во вселенной».

– Если хотите что-нибудь наблюдать из жизни, – ёдко прокомментировал Виштальский, – то зайдите сюда на вечерний сеанс, будет с чего посмеяться. Тетки идут сюда плакать с бедных индийцев. Мало им своих домов, так они ходят лить слезы в общественном месте!

По центральной аллее, меж высоких яворов, они вышли к берегу Южного Буга, где была причалена маленькая плавучая пристань, огороженная перильцами, а у пристани, скрипя бортом об навешанные автошины, покачивался маленький теплоходик «ПТ-4».

Кузьмичев с Виштальским поднялись на борт, вернее, спустились по трапу на палубу, и уселись на деревянные скамьи, протянутые вдоль бортов.

Пассажиров было немного, в основном, бабки с сумками.

Матрос отдал швартовы, капитан завел двигатель – зашумел бурун за кормой. «ПТ-4» отвалил от пристани и двинулся вниз по течению, заплывая под большой бетонный мост.

– А ты где здесь служишь? – поинтересовался полковник.

Марк оглянулся и понизил голос:

– Служил! Тут, за городом, в степи. Там закопан командный пункт восьмого полка сорок третьей армии РВСН.[9]

– А-а…

– А теперь я с дядей Трофимом, тружусь в «ящике». В том самом!

– Д-принцип? – вспомнил Кузьмичев. – И как успехи?

– Так будьте известны, – торжественно заговорил Виштальский, – что дело на мази! Вообще-то оно сверхсекретное, дело это, но я вас за болтуна не знаю и верю без честного слова, – он утишил голос и даже подзабыл свой местечковый выговор: – Дядя строит одноразовые гиперканальные станции, здоровые дуры в двести метров, копит месяцами гигаватты в энергоемкостях, а потом пробивает гиперканал аж к далекой звезде Спике! Одно плохо – до Нью-Йорка просто так не добраться, пространственно-временной континуум легче «проколоть» на световые годы, чем на тысячи километров. Но маршал Гречко – светлая ему память! – выразил дяде свою мысль: надо забросить технику и людей на другую планету, устроить там базу, а уже оттуда перебрасывать «гостинцы» на территорию противника! Во как. И секретность соблюдена, и эффект неожиданности, и… и никто не подкопается. Будут думать на пришельцев из космоса!

– Ни хрена себе… – протянул Георгий. – Прямо не верится. Так я не понял, а мое-то присутствие кому тут нужно? У меня по физике «тройка» была…

– Это дважды два! – воскликнул Марк и снова приглушил звук голоса. – Кто поручится за никем не охраняемую базу, на которой нет ракетчика и ЗРК? И я подговорил дядю, а тот достучался до вашего начальства. И вы здесь!

– Ни хрена себе… – повторил Кузьмичев. – И когда… э-э… старт?

– Когда выходим в гипер? Так этой зимой!

Они замолчали.

Теплоходик обошел «полуостров» Богополя и заплыл в Синюху, речку такую же широкую и глубокую, как та, в кою она вливалась. Справа, по ольвиопольскому берегу, потянулись одноэтажные дома. Потом они кончились – выше, на пологом склоне, еще шли террасами дворы, сады да огороды, а у самого берега только клены росли, высаженные рядками для укрепления грунта, да одичавшие вишневые деревья.

– Прибываем! – сообщил Виштальский.

Теплоход подрулил к берегу, ткнулся в него носом, и матрос по роликам скатил трап.

– Это и есть Автодоровская, – махнул Марк за лесопосадки, – мы от самого моста плыли вдоль нее. Пошлите, представлю вас начальству.

– Строгое? – спросил полковник.

– В основном – тупое и вредное, а только где вы найдете лучше? Тут всем командует генерал Лоскутов, но он вечно в разъездах и командировках, так что генерала постоянно замещает ВРИО – академик Луценко. Ну, академик из него, как из меня балерина! В молодости, говорят, блистал, идеи генерировал, а потом пошел по партийной линии, и все заглохло. Зато степеней и премий нахватал на целый институт!

---

[9] РВСН – ракетные войска стратегического назначения.

Через высокие ворота они прошли в расположение института. Постовой узнал капитана Виштальского и взял под козырек.

За высоким забором скрывались стандартные двухэтажные здания, копия – гарнизонные корпуса на территории энской военчасти. Асфальтированные дорожки, вечнозеленые туи, рядками высаженные повдоль и поперек, всенепременная «Доска почета».

Марк провел Кузьмичева, куда надо, и шепнул, что подождет на улице.

Принял Георгия «тов. Луценко П.Н.», как извещала табличка на дверях.

– Располагайтесь, товарищ полковник, – сделал жест академик. Перебрав документы, он отложил их и сказал: – Я тут начальствую временно, в основном, понима-ашь, людями руковожу. Я не только по научной части, а еще и парторг. Кстати, вы коммунист?

– Пока нет, – развел руки Кузьмичев.

– Нехорошо, – строго заметил академик.

– Согласен.

– Ага… Ну, ничего, мы проведем среди вас работу и пополним наши сплоченные ряды. Народ у нас хороший подобрался, все, понима-ашь, вузы позаканчивали, диссертации позащищали… На переднем крае науки все! Ну, бумагам я вашим верю, кого попало к нам не пошлют, хе-хе… А вот я интересуюсь, вы где служили?

– Да я, в основном, по заграницам… – замялся полковник.

– Да-а? – очень заинтересовался Луценко. – А где именно?

Кузьмичев пожал плечами.

– В 67-м в Египте, обороняли Суэц. В 68-м в Чехословакии… э-э… – он замешкался и выговорил официальную версию: – Оказывал интернациональную помощь чехословацкому народу в деле защиты социализма от праворевизионистских и антисоциалистических сил.

Обычно такая формулировка влет выявляла сущность начальника – если тот морщился от казёнщины, значит, нормальный. Академик даже не покривился, только спросил деловито:

– Это, которые были поддержаны империалистами Запада?

– Так точно, – подтвердил Георгий. – Потом…

– Да, да, – доброжелательно проговорил академик-парторг, – что же потом?

– С 70-го по 75-й находился в продолжительной спецкомандировке – помогал вьетнамским товарищам крепить оборону.

– А, вы же ракетчик? Много самолетов империалистов посбивали?

– Пять «Тандерчифов», десять «Фантомов», штук двадцать «Крусайдеров», «Скайхоков»… Три «Б-52».

– Ого! – восхищенно сказал Луценко. – Наверное, и боевые награды имеете?

– Имею, – коротко ответил полковник.

– А какие? – не отставал его визави.

– «Герой ДРВ», кавалер орденов «Боевой подвиг» трех степеней, дважды – «Красной звезды», и еще – Золотой звезды.

Кузьмичев не любил говорить о своих наградах, но и не стеснялся их – ордена он заслужил.

– Впервые разговариваю с настоящим Героем Советского Союза, – с уважением произнес Луценко. – Ну, что ж, я полагаю, вы хорошо послужите нашей социалистической Родине и здесь, и на благо мирного космоса!

– Надеюсь, – скромно сказал полковник.

– Работать будете в блоке «Д», а пока располагайтесь, товарищ Виштальский покажет, где у нас общежитие, а вечером познакомитесь с коллективом, наладите взаимопонимание!

Кузьмичев поклонился и вышел, уже в коридоре выцедив пару ласковых, весьма для академика нелестных.

На «Командирских» было полвторого – в народ идти рановато, а вот поработать часика три-четыре – это вполне. И полковник отправился в блок «Д» – всемерно повышать уровень боевой и политической подготовки.

Глава 3. РЕПАГУЛЮМ[10]

– Смотрим сюда, – сказал краснолицый генерал-лейтенант по фамилии Нечипоренко и постучал мелом по доске.

Все, собравшиеся в институтском «красном уголке», заскрипели стульями и вытянули шеи. Кое-кто, из самых старательных, пристраивал тетрадки на коленях, готовясь конспектировать.

Кузьмичев занял место во втором ряду, рядом мостился Марк Виштальский, дальше сидел его дядя, Трофим Иванович Воронин, научный руководитель всего проекта, а с краю притулился Лядов, Отто Янович – особист.

Воронин и Лядов были погодки, но как же резко отличила их жизнь! Трофим Иваныч сразу располагал к себе неприкрытым интересом к собеседнику, старомодной учтивостью и благожелательной улыбкой. Был он весь толстенький, кругленький, уютный и румяный. На его широком лице терялись очки в тонкой серебряной оправе, напоминая чеховское пенсне. Короткая боксерская стрижка не прятала седины, а большие уши были плотно прижаты к шишковатой голове. Ото всей фигуры Воронина веяло доброй силой, маленькие глазки, цепкие и хваткие, всегда светились великим умом и не слабым юмором.

Лядов был совсем иным – жестким, сухим, длинным как жердь.

За глаза его прозывали «три метра сухой дранки», но посмеиваться над Отто Яновичем, даже в своей компании, опасались – тот совершенно не понимал шуток.

Он всегда был подозрителен, и всякого нового человека исследовал на предмет благонадежности. Хотя назвать Лядова тупым чекистом, способным только кровь пускать врагам народа, тоже было нельзя – Отто Янович был умен, даже слишком, но разумение его отдавало холодом и бесчувственностью уэллсовского марсианина. Этот человек был способен увести на допрос собственную жену, если таковая проявит нелояльность к советской власти, и, что весьма вероятно, будет удовлетворен, когда бедная женщина ответит «по всей строгости закона».

Было неприятно иметь рядом такого соседа, но Кузьмичев терпел – Восток приучил не замечать суетности. Как говаривал его святейшество Ка Кху, настоятель буддистского монастыря и учитель тогдашнего майора-ракетчика: «В середке земных помышлений всегда скрыта тщета…»

– Вот гиперканальная станция, – Нечипоренко прочертил мелом горизонталь, изображавшую земную поверхность, и нарисовал что-то вроде диванной пружины. – Установка имеет высоту приблизительно полста метров… – полковник отметил размер. – …И диаметр в двести метров. Именно таков будет и поперечник устья гиперканала, куда мы станем сбрасывать «Реактавры»[11]. Сразу хочу заметить, что парашютные системы, применяемые у нас, не те, что уже приняты на вооружение, а экспериментальные. Опасно ли это? Нет, не опасно. Хотя бы потому, что опытные «Реактавры» устанавливаются на каждую единицу техники в двойном комплекте. И, если вдруг не сработает одна, можно будет прямо из кабины задействовать запасную. Во-от… «Антеи» будут взлетать с аэродрома Чаусово, и кружить, ожидая включения Д-установки и вывода ее на режим. И тогда сразу приступаем к сбросу! Подходим уступом и

[10] Репагулюм – момент перехода из одного состояния в другое, из одного пространства в иное.

[11] «Реактавры» – парашютно-реактивная система (ПРС) воздушного десантирования бронетехники с экипажами.

работаем по очереди. Тут главное не только попасть «в дырочку», но и успеть – гиперканал будет открыт не менее минуты, но и не более двух. Так, профессор?

Воронин грузно поднялся и улыбнулся, как ясно солнышко.

– Именно, Сергей Иванович, – прожурчал он, – именно! Мы будем постоянно вести отсчет, посекундно, чтобы вам было легче ориентироваться по времени. В течение полутора минут нужно будет сбросить все машины и грузы, и очень желательно уложиться в интервал.

– Вот так! – увесисто сказал Нечипоренко. – Вопросы будут?

– У меня вопрос, – подняла руку Аллочка Миньковская, очень хорошенький младший научный сотрудник. – А когда же начнут людей забрасывать? Когда мы отправимся… туда? Кстати, а куда именно, можно узнать?

Трофим Иваныч стал подниматься, но тут встал академик Луценко, с отеческой улыбкой усаживая профессора на место. Склонившись к седому генералу, занявшему место в первом ряду, он спросил что-то неслышное, кивнул и выпрямился.

– Значит, так… – начал весомо ВРИО. – Мы тут посовещались с товарищами, доложили наверх и нас поддержали – отправка персонала инопланетной базы будет приурочена к шестьдесят пятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Ура, товарищи!

Луценко захлопал, его поддержал Лядов. Жидкие хлопки донеслись с мест – люди, военные и ученые, сидели в растерянности.

– Позвольте! – вскочил Воронин. – Как это – к седьмому ноября? Да вы что? Мы не можем отправлять людей раньше весны! Никак не можем! Совершенно не исследовано такое явление, как легенные помехи. Не закончены медицинские опыты. Да мы понятия не имеем, как воздействует на психику погружение в гиперпространство, как оно влияет на человеческий организм! Вы что?!

– Народ нас не поймет, – внушительно проговорил Луценко, – если мы задержимся с отправкой и не сделаем подарок Родине к празднику Великого Октября, понима-ашь!

– Но… – беспомощно вякнул Воронин.

Генерал-полковник Лоскутов развернулся к нему.

– Скажите, профессор, – величественно произнес он, – технически отправка персонала базы возможна?

– Да, но…

Лоскутов поднял руку, осаживая старого ученого.

– Клетки с собаками и шимпанзе опускались на вертолетах в устье канала?

– Опускались… – обреченно вздохнул Воронин, понимая, что его голос «против» засчитан не будет – все уже решено «в соответствующих инстанциях».

– Выявлена была патология? – напирал Лоскутов и сам же ответил: – Нет, не была! Разумеется, отправлены будут исключительно добровольцы и – строго-обязательно! – в спецкостюмах, дабы не подхватить инопланетный вирус. Всего решено отправить пятьдесят шесть человек, уже отобранных специальной комиссией Минобороны. К сбросу готовятся пять боевых машин десанта, восемь жилых балков и шесть служебных – лабораторный, медицинский, бытовой и так далее. Зенитные самоходки «Шилка» облегченного типа, бочки с ГСМ и ЗРК «Двина» будут сброшены сегодня, в шестнадцать нуль-нуль…

– Можно? – поднял руку маленький, незаметный человечек в строгом черном костюме.

– Конечно, конечно, Вячеслав Владимирович! – засуетился Луценко и торжественно объявил: – Слово предоставляется члену ЦК КПСС товарищу Виноградову!

Академик похлопал, его поддержали в зале. Виноградов выбрался на трибуну, налил водички из графина, отпил чуток и, подвигав губами, словно пережевывая хлорированную жидкость, заговорил:

– Вашему проекту, товарищи, то есть, конечно же, нашему проекту, придается очень большое значение. Мы создали ракетно-ядерный щит, защищающий государство рабочих и

крестьян от агрессии капиталистических стран. Теперь наша задача состоит в том, чтобы создать ракетно-ядерный меч, которым мы сможем грозить империалистам. И руководство партии очень ответственно подошло к вопросу о назначении коменданта базы – первого внеземного плацдарма СССР! К-хм… Но по порядку. Начальником научной экспедиции назначен Воронин Трофим Иванович, – Виноградов оторвался от писульки, поискал глазами профессора, и кивнул ему, поздравляя с оказанием доверия.

Профессор пожал плечами: ладно, мол…

– Командиром гарнизона назначен Кузьмичев Георгий Алексеевич, полковник ракетных войск.

Марк Виштальский радостно потряс Кузьмичеву руку, а сам полковник ракетных войск все не мог оправиться от изумления.

Это надо же, а?

– Замполитом… вернее, помполитом, назначается Лядов Отто Янович.

Лядов вскочил, принимая стойку «смирно», и улыбнулся откровенно счастливой улыбкой.

– Ну, а на должность коменданта базы Президиум АН СССР рекомендовал Луценко Павла Николаевича. Рад вам сообщить, что на заседании Политбюро ЦК КПСС кандидатура товарища Луценко была утверждена единогласно!

Академик-парторг вскочил. Всю его благодушность стянуло с лица – на члена ЦК таращился совершенно растерянный и перепуганный функционер.

– А я… я… невоеннообязанный… – пролепетал Луценко.

– Это ничего, – утешил его Виноградов, – под началом товарища Кузьмичева будет двадцать пять солдат и сержантов, годных к строевой службе. Справитесь, Павел Николаевич, справитесь… Вы, как старый партиец, покажете пример товарищам и членам ВЛКСМ!

Виноградов троекратно и смачно облобызал товарища по партии и сказал:

– Успехов тебе, Паша!

Луценко, пуча обессмысленные глаза и по-рыбьи хапая ртом воздух, медленно опустился на стул.

Георгий усмехнулся. По его мнению, советская власть закончилась со смертью Сталина. Почти тридцать лет прошло, и компартия выродилась. Загнивающий социализм.

Было гадостно это понимать, но Кузьмичев свыкся с крушением идеалов юности. А вот каково было придти к таким выводам еще тогда, на Суэцком канале… Вот когда ему было по-настоящему паршиво! Бывало, тоска наваливалась така-ая…

От Великого Октября, от побед и свершений осталась одна наглядная агитация. Молодой капитан-ракетчик тогда впервые напился, залил горе…

– Товарищ Воронин, – обратился Лоскутов к ученому, – тут народ интересовался… э-э… местоположением базы. Не просветите нас?

Воронин кивнул и поднялся.

– Можете с места, – дозволило начальство.

Трофим Иваныч еще раз кивнул и принялся за объяснения:

– Не буду касаться технических деталей, – сказал он, – это материя скучная. И совершенно секретная. Итак, решено создать базу на одной из планет звезды, которая находится на расстоянии ста сорока девяти световых лет от Земли, в созвездии Лебедя. Это двойная звезда, то есть система из двух светил. Выбранная нами планета вращается вокруг главной звезды, масса которой чуть больше солнечной, а спектр – переходный от оранжевого к красному. Извините, астрономии не знаю, говорю своими словами. Еще одна звезда – сине-голубой гигант. Поэтому на той планете сначала бывает «красный» рассвет, после чего восходит голубое светило – такой вот суточный цикл, в двадцать восемь часов. Ну, пока очень трудно сказать что-либо о самой планете. Все, что нам известно, умещается в пару фраз – планета землеподобна,

у нее кислородная атмосфера. На ней можно жить! Остальное покажут исследования, проведенные на месте… У меня все.

– Благодарю вас, – церемонно сказал генерал-полковник. – Ну, а теперь прошу всех занять места в автобусе. Мы проедем на место и пронаблюдаем сброс вашего хозяйства, товарищ Кузьмичев.

Полковник встал и коротко поклонился. Честь имею!

* * *

Автобус пропылил по Автодоровской до ската, мощенного булыжником, и вывернул на мост. Проехал на Богополь и по второму мосту попал в Голту. Свернул направо, прокатился по улице Ленина, нырнул под железнодорожный мост и прибавил скорости на Одесской.

– Дед, – разнесся по салону звонкий детский голос, – а ты мне подалок пливезес-с?

Кузьмичев улыбнулся и перегнулся через спинку сиденья, за которым изящно выгибалась лебединая шейка Аллочки.

– Это чей, такой, младший научный сотрудник? – спросил он девушку.

Девушка улыбнулась, блеснув зубками, и приблизила к полковнику свою головку.

– Это профессорский внук, Шурик, – объяснила она. – Трофим Иваныч всех уверяет, что «Александр Сергеич» прославит советскую физику. Весь в деда!

– Как это Лядов его пропустил? – хмыкнул Кузьмичев.

– Исключительно по малолетству! Шурику еще пяти нет.

Георгий послушал громкий шепот «деда Трофима», убеждавший внучка разговаривать потише, улыбнулся, и стал любоваться сразу двумя видами – Аллочкой впереди и степными пейзажами, стелившимися за окном.

В меру худенькую девушку украшали весьма заметные выпуклости грудей, высоких и тугих вприглядку. Степь же была гладка и укатана, дыбясь едва приметными возвышенностями. Далеко-далеко справа посверкивала обойма элеватора, а слева возник насыпанный курган, на макушке которого неутомимо вращался локатор, высматривая нарушителей воздушного пространства СССР.

– Подъезжаем! – обернулась к полковнику Алла.

Тот улыбнулся и подумал: а не приударить ли за этой симпатяшечкой?..

Автобус свернул с шоссе и закачался на грунтовке. Степь приблизилась махом, окружила со всех сторон, зашуршала по кузову метелками трав, пустила пыль из-под колес. А потом впереди возникло и стало расти совсем уж ни с чем не сравнимое сооружение – огромные сверкающие на солнце кольца, открытые в небо параболоидом, глубокой чашей. Ее поддерживали, выстроившись по кругу, решетчатые вышки.

– Это она! – возбужденно сказала Алла. – Гиперканальная станция!

– А Д-установка где? – проявил информированность Георгий.

– А это и есть Д-установка, это как бы синоним ГКС. Там, внизу, под кольцами Д-камер, восемь инверторов поля, их отсюда не видно просто. Я сюда, как в будущее езжу! Вы только представьте – сто сорок девять светолет! По Эйнштейну не получалось, что «перепрыгнуть барьер» – это возможно, но Трофим Иваныч терпеть не может поклоняться «святому Альберту», и создал совершенно новое исчисление – репагулярное. А уж сколько мороки было, чтобы этот репагулюм одолеть технически… О-о!

Чем ближе подъезжал автобус, тем выше в небо вырывалась станция. Выполненные из красноватого металла, ее кольца были усеяны лючками, решетками радиаторов, отводами кабелей и толстых пучков разноцветных проводов, и еще чем-то, совершенно непонятным, но для науки важным. В полосатой тени установки прятались восемь конусов величиной с двухэтажный дом, выкрашенных масляной краской.

Автобус по наклонному пандусу спустился в бункер.

– Приехали! – бодро сказал Трофим Иванович.

Все вышли. Те, кто уже присутствовал на запусках, сразу поспешили к перископам, новички же не знали лучшего способа, чем топтаться на месте.

– Кузьмич! – позвал Марк. – Идите сюда.

Кузьмичев подошел и глянул в предложенные окуляры перископа. Видно было хорошо – вся громада гиперканальной станции умещалась в поле зрения, захватывая клок неба.

– Сейчас… – прошептал Виштальский.

– Готовность два! – прозвучало в репродукторе.

– Внимание! – громко сказал Воронин, и полковник удивился – такая властность и твердость прозвучали в голосе профессора.

– Энерговоды – полная мощность!

– Есть полная мощность! – откликнулись операторы за пультами.

– Готовность один!

– Есть готовность один! Энерговоды на цикле.

– Первый базовый – пуск! Второй базовый – пуск! Первый резервный – готовность ноль.

Что-то неуловимо изменилось снаружи.

Кузьмичев пригляделся – будто марево заструилось по спирали, восходя потоком горячего воздуха над гигантским кольчатым параболоидом. Голубые светящиеся колонны соединили зеленоватые конусы и нижнее кольцо. Мощное басистое гудение опало на степь.

– Первый резервный – пуск! Третий базовый – пуск!

– Инверсия поля!

– «Антеи» на подлете. Обратный отсчет!

– Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один.

– Пробой!

Что-то сдвинулось в мире. По ушам ударило безмолвие, а в глубинах Д-установки заплясали лиловые сполохи.

– Выход на режим… Канал пробит! Пошел!

Заткав раствор параболоида сполохами да переливами, замерцало устье гиперпространственного канала. Поверить было невозможно, что за всей этой цветомузыкой крылись плотные слои чужой атмосферы, неведомый простор иной планеты.

Это в голове не укладывалось, и даже математику не сразу давалась картина происходящего. Но это было.

Показался первый Ан-22 «Антей». Створки его люков раскрылись, и с трапа-рампы слетела БМД.[12] Она была похожа на серийные образцы внешне, но внутри была полностью переделана «под проект» – ее, к примеру, герметизировали, и даже оборудовали регенератором кислорода.

Маленький парашют выдернул основной, побольше, и вот распустился белоснежный купол, вытягиваясь почти горизонтально – парашют позади, бронетранспортер – впереди. Потом БМД перевесила, и медленным маятником покатилась вниз, занимая законное место. Все это время груз падал, одновременно скользя по инерции вперед. Так, под углом, БМД и вошла в устье канала.

Рассудок ждал грохота столкновения, но и боевая машина, и парашют просто канули и пропали, прорывая ткань мироздания за тридевять звезд от Земли.

А самолеты наплывали и наплывали, грузы сыпались и сыпались – ЗРК «Волхов», БМД, две «Шилки» с целыми «букетами» парашютов, платформа, загруженная бочками с соляром.

[12] Боевая машина десанта.

– Внимание! – заговорил репродуктор. – Осталось сорок секунд. Тридцать пять секунд. Тридцать секунд. Закончить сброс!

– Сейчас тоже будет интересно, – оживился Марк.

Кузьмичев пригнулся к окулярам.

– Сейчас устье схлопнется!

Ослепительная сиреневая вспышка высветила степь, и полость внутри параболоида заполнили темные струи то ли воздуха, то ли материализовавшейся тьмы.

Станция заколебалась и оплыла, а из Д-камер ударили радужные столбы пламени. Загрохотало. Стены бункера шатнулись, и все стихло.

И тут же с ясного неба повалил снег, у земли обращаясь в дождь. Капли падали, шипели на раскаленном грунте, и парком возвращались в небо.

– Здолово-о… – выдохнул «Александр Сергеевич», впечатленно тараща глазята.

– Да уж… – проговорил Георгий.

– Товарищи! – провозгласил Луценко. – Просьба не покидать убежища! Снаружи плюс сто!

Собравшиеся походили, пообщались, полня бункер шумным многоголосьем. Говорили все сразу:

– Дорого, дорого нам эти запуски обходятся… Одного бериллия сколько! Пять тонн рениевых контактов…

– Ну, оно ж не пропадает. Выколотим и – на переплавку!

– Все равно… Энергонакопители летят, половину менять приходится…

– А что ж вы хотите! Такая конденсация энергии. Гигаватты!

– А делать стационар – еще дороже. Придется заодно и электростанцию строить, мощностью с Братскую ГЭС.

– Нет, это задание на завтра и послезавтра…

Марк подергал Кузьмичева за рукав.

– Пошли, – сказал он, – подостыло уже.

Они вышли на обширную луговину. Пахло чабрецом и полынью.

Было непривычно без обширной тени гиперканальной станции – там, где вился гигантский параболоид, торчали только мачты, искривленные и перекрученные.

– Мачты раскаляются докрасна, – вполголоса сказал Виштальский, – а потом их корежит…

Они прошли дальше, и ботинки полковника застучали по стекловидному шлаку, покрывшему добрый гектар.

– Осторожно! – предупредил Марк. – Это только сверху снежком остудило, а внутри все полужидкое, как пюре.

От остекленевших масс тянуло жаром. Кузьмичев нагнулся и протянул ладони – печет…

Из переплавленного чернозема выглядывали кольца параболоида, вернее, застывшие ручьи вскипевшего сплава. «Выколотим – и на переплавку!» – вспомнил Георгий. Да, долго придется выколачивать…

– К вечеру сюда пригонят роту солдат, – разъяснял Виштальский, – они тут все выдолбят, металл порежут и все увезут на спецзавод. А нашу станцию будут ставить уже завтра. Вон там, где флажки. Это фундаменты Д-камер… Вам не страшно? – внезапно спросил капитан.

– Отчего ж? – удивился полковник.

– Тут ведь космос поработал! – Марк обвел рукой останки Д-установки. – Одними гигаваттами такой тепловой удар не объяснишь. А мы и понятия не имеем, какие силы будим, до чего, до каких глубин достучались. Мощь-то какая!

– Да уж… – неопределенно протянул Георгий.

– Видели, каков гиперканал? Наш, наверное, от слова «кануть». Порог невозврата…

– Как-как?

– Порог невозврата! Это точка такая на траектории полета ракеты – до нее «изделие» еще можно вернуть, а после – все. Улетела, вознеслась на орбиту. Канула…

– Не расходитесь, товарищи! – тоном массовика-затейника заговорил Луценко. – Мы наметили, понима-ашь, торжественное мероприятие на шесть часов, просьба не опаздывать!

– А танцы будут? – пискнули из молодежной группки.

– Это культурно-массовое мероприятие, – сказал академик со значением. – Танцы будут!

* * *

После продолжительной официальной части, где долго и нудно говорилось о новых достижениях советской науки, о преумножении боевой и трудовой славы, о единстве партии и народа, все с облегчением убрали стулья, и актовый зал превратился в танцевальный.

Комсомольцы-добровольцы приволокли радиолу и завели музыку. Все разбились по парам.

Кузьмичев с полчаса просидел на подоконнике в кругу докторов и кандидатов, слушая перспективы развития физики времени, «начало которой положил Козырев, и физики пространства, основали которую тоже мы! Точнее, вы, Трофим Иванович! Не скромничайте!»

Георгий слушал вполуха, вполглаза посматривая на Аллу. Отметив, что девушка отвергла уже второго кавалера, он решил рискнуть, и заодно выяснить, нравится ли он этой красоточке, или ему это только кажется.

– Разрешите? – поклонился он Аллочке, и Аллочка ответила ему ослепительной улыбкой. Она подала Кузьмичеву руку и встала.

Как раз сменили пластинку, и по залу разошлись звуки саксофона, томные и приглушенные.

Полковник обнял девушку за талию, осторожно, но крепко прижал к себе.

Алла положила ладони на полковничьи погоны, потом подняла глаза и сплела пальцы у Георгия на шее. Две тугие прелести весьма ощутимо уперлись в рубашку-форменку.

– Какая у вас тоненькая талия… – пробормотал Кузьмичев.

– Правда?..

– Правда…

После танца Миньковская позволила себя проводить на террасу, где благосклонно приняла из рук полковника бокал холодного шампанского. Правда, как оказалось, Алла вовсе не настраивалась на романтику.

– Скажите, Георгий, – заговорила она. – Вот, сорок лет тому назад война была. Вы бы пошли на фронт, Родину защищать?

– Странный вопрос, – приподнял брови Кузьмичев. – Я офицер, это моя профессия – Родину защищать. Ну, не ракетчиком, конечно… Летчиком, быть может? В детстве я, как и все мальчиши, мечтал о штурвале, о высоте.

– А Луценко наш? Или Лядов? Они же трусы, причем подлые оба! Вот, почему они такие?

Кузьмичеву стало скучно. Приятный вечерок, незаметно перетекавший в ночь, рассеивался, как мираж.

– А какие они? – пожал он плечами. – Обычные. Не всем же быть героями…

– Нет-нет, я не о том! – Алла сжала маленькие кулачки, и поднесла их к подбородку. Рассмеялась смущенно: – Сумбур в голове… Я просто хочу понять этих людей, понять себя… Я же вижу, что нас обманывают! Мы воевали с беляками, строили заводы и создавали колхозы, воевали, опять строили… И у нас всегда была великая цель впереди – коммунизм! А теперь? Такое впечатление, что наш паровоз, который действительно вперед летел, нынче ржавеет в

тупике, а все эти мелкие вождишки все флагами машут, изображая порыв! Но я же вижу – стоим мы! И эта остановка вовсе не коммуна!

Полковник вздохнул.

– Вы нашли не самый правильный образ, Алла. Паровоз… Понимаете, мы все немножко коммунисты. Настоящие. Не вождишки задрипанные, а простые граждане СССР. Мы готовы строить высшую форму общества, потому что мы – совки.

– Кто-кто?

Кузьмичев улыбнулся.

– Так нас обзывают мещане – совками. Советскими, то есть. А я назло им горжусь тем, что я – совок. Что там мещанчики вкладывают в это слово, мне не интересно, пусть думают, что хотят. Мещанин по определению не способен мыслить хорошо. Совки строили ДнепроГЭС и Уралмаш, воевали, а теперь, видите ли, уже моветон – уважать все советское. Мещане набирают силу, они прут изо всех щелей, залезли уже на самый верх… Это страшно, Алла.

Кузьмичев подумал, что подобная откровенность может быть полезна для знакомства, поскольку требует доверия, следовательно, сближает…

– Раньше мещане боялись, – продолжил он. – Чисток, например. А теперь они во власти. Не все, конечно, есть там и честные люди. Громыко, например. Или Андропов. Но большинство – номенклатура, а для меня это синоним мещанства. И… Извините, чуть не выматерился… И чихать они хотели на идеалы социализма! А мы – нет. Мы – совки. Мы по-прежнему идем «путем Ленина» – кто по привычке, а кто и по убеждению. Но уже некому вести нас, и это очень плохо кончится…

Алла задумчиво посмотрела на полковника.

– Какой вы умный… – медленно проговорила она.

Возникла та самая томительная пауза, которая в кино обычно заканчивается поцелуем, но девушка, словно почуяв, к чему все идет, встрепенулась, и воскликнула:

– Пошли танцевать!

– Пошли!

Странно Кузьмичев чувствовал себя. Весь этот суматошный день словно отдалился, перешел во вчера, а он будто стоял на последней ступеньке лестницы, сложенной из лет его жизни, и обнимал эту девушку – такую красивую, такую милую, такую доверчивую, такую… Слов нет.

Может, «полковник ракетных войск» и шел всю жизнь вот к этому «культурно-массовому мероприятию»? Ведь не зря же он с самого начала выделил Аллу в толпе девушек, а там собралось достаточно прелестниц…

Кузьмичев отбросил размышления. Рассудок так иной раз мешает жить – просто жить, испытывать усладу от касаний мягкого и теплого, гибкого и упругого…

Музыка кончилась, Алла опустила руки, перевела их Георгию на грудь, погладила пальцем орденские планки.

– Уже темнеет… – проговорила она.

– Я провожу вас?

– Это просьба? – лукаво улыбнулась «пани Миньковска». – Или утверждение?

– Убедительная просьба!

– Тогда проводите, а то мне далеко идти…

Они вышли во двор. Все пространство было залито светом фонарей и прожекторов, перед воротами прохаживался постовой. Увидев Кузьмичева, он молодцевато отдал честь и отпер калитку ворот.

Автодоровская встретила пару темнотой, теплыми потемками украинской ночи. Точнее, позднего вечера, да какая в том разница, если Аллочка берет тебя под руку и шагает рядом, путая мысли и рождая желания?

– Марк хвастался, что он вместе с вами воевал во Вьетнаме, – заговорила девушка.

– Да, – кивнул Кузьмичев, – приезжала комиссия из КБ, смотрели на месте, как работают их ракеты.

– А страшно, когда война?

– Конечно, страшно, – усмехнулся Георгий. – Там ведь и убить могут. Марк испробовал пару боев, но просто не успел вдосталь натерпеться грязюки и пота. И кровищи… Война везде такая. Только, когда мы воевали в Египте, был песок, жара и скорпионы. А во Вьетнаме – духота, как в парной, болота и москиты…

– А теперь что будет? – негромко спросила Миньковская. – Пыльные тропинки далекой планеты? И чудовища, бредущие по оранжевым джунглям?..

– Скоро увидим.

Алла вздохнула.

– Иногда так сердце сжимается, – проговорила она, – как подумаешь об этих парсеках, о звездах… И я так рада, что нашла вас…

Девушка остановилась и посмотрела на Кузьмичева, пытливо и робко.

– И я рад, – признался Георгий.

– Поцелуйте меня! – потребовала Алла.

Полковник исполнил приказ. Губки аллины раскрылись, и Кузьмичев ощутил кончиком языка ровные зубки. Девушка с трудом оторвалась и отшагнула, не убирая ладоней с широкой полковничьей груди.

– Мы уже пришли, – сказала она, – вот мой дом!

Георгий прикинул, уместна ли будет его инициатива, решил, что уместна, и поцеловал Аллу еще раз. Девушка неожиданно пылко ответила, обхватила его за шею, привставая на носочки, и нежно оттолкнула, с мудрой мягкостью пресекая побуждения разбуженной плоти.

– Спокойной ночи… Гоша!

Но Гоша не желал успокаиваться, у него другое было на уме. Кузьмичев уверенно покрывал лицо девушки поцелуями, переходя на стройную шею.

– Гоша!

Кузьмичев крепко прижал Аллу, порывисто гладя ее куда ниже талии и вдавливая пальцы в неподатливую мякоть. Девушка рванулась, делая замах, но пощечины не дала. Глубоко дыша, она отшагнула назад.

– Я думала, вы другой, – проговорила она стеклянным голосом, – а вы такой же, как все они!

– Да! – сказал Георгий, скрывая за твердостью вызов и разочарование. – Я обычный. Я – как все! Ты мне очень нравишься, и…

– Ты странный! – перебила его Алла и скрылась за калиткой. – Ты до ужаса странный!

Девушка растаяла во мраке, ее каблучки процокали по дорожке к дому, чьи окна просвечивали из-за деревьев, и поздний украинский вечер исполнился тишиной.

Кузьмичев облокотился о забор. Странный… Что ж в нем странного? На дворе вечер, впереди ночь. И теперь что он, что она проведут ее порознь. Вот это – странно! А он хотел быть с Аллой вдвоем. До утра…

Белым пятном во тьме выделился кот. Мурлыкнув, он потерся о штанину. Полковник нагнулся и почесал кота за ухом.

– Что, котяра? – вздохнул он. – Тоже один? Странный ты, кот…

Глава 4. СОЗВЕЗДИЕ ЛЕБЕДЯ

Утро седьмого ноября выдалось хмурым и холодным, пронзительно синее осеннее небо законопатили серые клубистые тучи. Но никакая пасмура не могла отменить культурно-массовые мероприятия в честь шестидесятипятилетия Великого Октября – на центральной улице

Первомайска надрывались динамики, транслируя марши и гимны, на стенах и столбах трепетали красные флаги, нарядные горожане вели расфуфыренную малышню под сенью гигантских бантов и воздушных шариков.

Кузьмичев провожал глазами эти верные приметы праздника, глядя в окно теплого «ЛАЗа», с фырчаньем одолевавшего улицу Дзержинского – это было в другой стороне от улицы Ленина, но как же не заехать за комендантом – персональная «Волга» академика-парторга находилась в ремонте.

Автобус остановился за 11-й школой, и в салон влез Луценко – бледнолицый, с черными кругами под глазами. А в глазах стыли страх и обреченность. Георгий даже испытал секундное раздражение – за каким чертом было назначать этого клоуна?

Марк, сидевший рядом, прошептал:

– Его даже жалко! Человек так надеялся потрепать языком еще лет десять и спокойно уйти на пенсию, а ему поручают покорять Вселенную!

– Он меня раздражает, – признался полковник.

– «В середке земных помышлений всегда скрыта тщета», – назидательно сказал капитан Виштальский.

Кузьмичев отвел взгляд от Луценко, и глаза сами вернулись к тому предмету, на который хотели смотреть. К Алле.

Девушка сидела во втором ряду, гордо и независимо держа голову на шейке, изящной и стройной, прямо-таки созданной для поцелуев. Георгий вздохнул украдкой. А он действительно странный… Женщины не всегда давали ему свое согласие, иной раз и отказывали. Хоть и редко, но такое бывало. И тогда он запросто расставался с недоступными, окружая вниманием тех, кто был склонен сказать ему: «Да…»

Офицеру-ракетчику никогда и в голову не приходило завоевывать женщин, ибо война была его профессией, а у ног представительниц прекрасного пола он искал мира и покоя.

Правда, подруги упрекали его в непостоянстве… Нашли, кого упрекать! Он – воин, и не может планировать свою жизнь. Сегодня он здесь, завтра – там, а послезавтра… Бог весть! На войне, как на войне.

Почему же он не покинул Аллу? В тот вечер она едва не съездила ему по морде, а потом добрую неделю отводила взгляд, словно вычеркивая из своего поля зрения. Он пробовал пару раз поговорить с ней, но девушка была холодна и немногословна.

Больше всего Георгия злило даже не то, что Алла пошла на разрыв с ним, а то, что он сам стремился залатать прореху в отношениях. Холостяцкие рефлексы нашептывали ему об опасности таких потуг, но он был упрям и упорен. Штурм не удался – ему дали отпор? Ладно, приступим к осаде…

– Запевай! – воскликнул вдруг Юра Семенов, избранный комсоргом группы. На него все посмотрели как на идиота, и отвернулись. Семенов сделал вид, что ничего не произошло, и о чем-то оживленно зашептался с Арнаутовым, председателем месткома.

Кузьмичев оглядел своих спутников. Люди в возрасте были сосредоточены, иные сильно нервничали. Даже комсомольцы-добровольцы, обычно такие шумные, ехали молчаливо и задумчиво.

Всем перед выездом выдали одинаковые серебристые спецкостюмы из металлизированного нейлона, и того же цвета сапоги. В шейные вырезы СК были заделаны кольцевые крепления для шлемов – эти прозрачные колпаки, похожие на круглые аквариумы, перестукивались на верхней полке.

Солдаты и сержанты, подчиненные Кузьмичева, ехали в отдельном автобусе – двадцать пять «дембелей», отобранных в воздушно-десантном полку, расквартированном под Псковом.

– Я смотрю на улицы, – прошептала сзади Элла Наумовна, повар и жена старшего планетолога экспедиции Гоцмана, – и будто прощаюсь со всем этим…

– Что за минорные мысли, Эля? – бодро сказал Гоцман.

Элла Наумовна только вздохнула.

* * *

Автобусы приехали в Чаусово, маленькое сельцо, при котором имелся аэродром. Покрытия на его ВВП никогда не было, если не считать кое-где пробившейся травки, да и к чему оно «Аннушкам», занятым опылением полей?

На полосе прогревали моторы «Антеи». Их аппарели были опущены, как жадные языки, пробующие траву на вкус.

Кузьмичев подождал указаний от коменданта, не дождался, и громко скомандовал:

– Проходите к первому и второму самолетам! Скляров, Переверзев! Займитесь добровольцами!

Старшие сержанты козырнули и повели волонтеров на посадку.

– Алла, ваш балок пятый. Марк! Где тебя носит? Трофим Иваныч! Пойдемте с нами.

– Иду, иду! – заспешил ученый. – Первый раз все увижу не снизу, а сверху…

– Э, Трофим Иваныч, – усмехнулся Кузьмичев. – То, на что мы будем смотреть *там*, в жизни никто не видел!

Все вместе они поднялись по аппарели в гулкий грузовой отсек транспортного самолета.

Алла до того засмотрелась на пару разнесенных килей, что едва не сверзилась с трапа. Полковник удержал ее.

– Благодарю, – чопорно сказала Миньковская.

– По машинам! – скомандовал Кузьмичев. – Помните свои места?

– Помним! – хором ответили добровольцы, и полезли по машинам и балкам – цилиндрическим домикам на колесах, похожим на маленькие железнодорожные цистерны с круглыми иллюминаторами. Говорят, такие делали для строителей БАМа.

Ну, для строителей внеземной базы они тоже сгодятся…

Георгий открыл выпуклую дверь пятого балка, пропустил всех вперед, и вошел сам. Внутри для каждого было приготовлено особое кресло.

– Внимание! – разнеслось по отсекам. – Приготовиться!

Створки аппарелей медленно сошлись, и винты «Антеев» завыли на низкой, угрожающей ноте.

– Энерговоды зациклены, Трофим Иваныч! – сообщили из кабины пилотов.

– Ага! – довольно сказал Воронин. – Пошло дело!

– Пристегнуться всем, – негромко скомандовал Кузьмичев.

– Дядя, – задумчиво выговорил Виштальский, – я имею вам сказать пару слов.

– Вырази мне твою мысль, Марк, – улыбнулся профессор.

– Вот я хочу поинтересоваться у вас, а как мы обратно станем выбираться?

– Пусть тебя не волнует этих глупостей, – проговорил Трофим Иванович, старательно копируя одесский говор. – Все детали гиперканальной станции уже сброшены в районе будущей базы. Где-то в январе нам подкинут краны и ядерный реактор типа тех, что стоят на атомных подлодках. Начнем монтаж, подзарядим энергоемкости…

Марк поглядел на дядю с большим сомнением. Кузьмичев тоже не испытывал особой уверенности насчет «обратного билета», но промолчал – бытие советского офицера рано приучило его к простой истине – не высовывайся! Начальство знает лучше.

А когда выяснится, что начальство – ни в зуб ногой, что оно опять прошляпило и «не учло», то решать проблемы придется самому, как оно часто и бывало. И в чем же тут разница?

Будешь ты лезть поперед батьки в пекло или промолчишь – все равно надеяться надо только на себя…

– Взлет! – пронеслось по всем балкам и боевым машинам.

«Антеи» затряслись, пробегая по рулежной дорожке, разогнались и взлетели.

– До выхода на режим тридцать секунд! – объявил пилот.

– Успеем? – заволновался Воронин.

– Должны! – легкомысленно сказал Марк.

Алла только вздохнула.

– Готовность один! – рявкнул динамик.

– Готовность ноль! Сброс!

Кузьмичев почувствовал, как балок шатнулся и двинулся.

Рывок – это раздулся по ветру вытяжной парашют, и…

У-ах!

Балок падал, повернувшись к земле торцом. Томительное замирание выворачивало организм наизнанку. Хлам с пола подняло невесомостью – прямо перед лицом полковника вихлялась невесть откуда взявшаяся гайка.

Алла глухо вскрикнула и застонала.

– Сейчас, сейчас… – пробормотал Георгий.

Балок резко дернуло – раскрылись тормозные парашюты.

– Раньше у нас другая система была, – разглагольствовал Марк, видимо, сбрасывая напряжение, – называлась «Кентавр». Это когда танки и БМД десантировались отдельно, а люди отдельно. И ищи потом ту технику! А теперь – вот, «Реактавр». Бойцы сразу в машинах приземляются. Ни у кого во всем мире такой нет! А мы спускаемся и вовсе на… О, и названия-то нет… На «Спецтаврах»!

Кузьмичев глянул в окно и увидел стремительно набегавшее устье гиперканала. Сейчас, сейчас…

Он посмотрел вверх, за полукруглый плексоглассовый колпак, увидел клочок голубого неба… и его с пят до головы пронизало болезненное ощущение разрыва и слома. Полковник закричал, но губы не выговорили даже слабого шепота.

А когда он пришел в себя, за колпаком весело лиловели чужие небеса…

– Мы там! – каркнул Воронин.

– Вижу… – буркнул Кузьмичев, и перешел на переговорное устройство: – Я – «Первый»! Всем принять позу изготовки, сейчас будет земля!

Балок опускался медленно, не качаясь в порывах ветра. Потом наверху загрохотало, показался «лисий хвост» реактивного тормоза, и балок опустило на землю…

На грунт.

Георгий отстегнулся и скомандовал:

– Всем надеть шлемы! Проверить биофильтры!

Укрепив шлем, он включил переговорное устройство.

– Выходим!

Пользуясь тамбуром как шлюз-камерой, все выбрались на поверхность планеты, где им выпало жить и работать.

Балки и бронетехника приземлились кучно – в обширной промоине, все дно которой покрывали наносы песка и окатанные камни. Берега были круты и слоисты, но в половине мест обрывы сползали пологими осыпями. Цепляясь корнями за край, в промоину заглядывали странные деревья – скрюченные, причудливо ветвившиеся, поросшие не листьями, а пучками тонких нитей насыщенного оранжевого цвета.

– Словно скальпы рыжих на просушку вывесили… – прокомментировал Марк.

– Фу! – поморщилась Алла. – Ну, у тебя и сравнения.

Подошел Воронин, неотрывно глядевший в небо.

– Вон он! – сказал он возбужденно. – Видите?

Наполовину скрытое облаками, отливало сиреневым устье гиперканала. Устье походило на пухлую микрогалактику, спиральный вихрь, который то ли вращался, то ли выворачивался наизнанку. Внезапно канал стянулся в точку, и пропал.

Все. Хода нет.

Кузьмичев перевел взгляд в конец промоины, где над пологими холмами калился алый шар то ли первой, то ли второй звезды, изливавшей тепло и свет.

Казалось бы, фиолетовое небо и красное сияние должны были рождать потемки, ан нет, было светло, как в земной полдень, разве что краски сияли иные. Да и разве на Земле, когда рассвет, и алое солнце висит над горизонтом, тускло бывает?

В эту минуту Георгий испытал детский восторг, от которого задыхаешься, плюс невероятное возбуждение и томительный страх – это в какие же дали его занесло?

– Десантура! – крикнул он. – Собираем парашюты!

– Товарищ полковник! А запасные снимать?

Кузьмичев посмотрел на «бээмдэшки», броня которых горбилась здоровенными коробами, прикрывавшими запасные парашютно-реактивные системы от дождей и прочих осадков.

– С балков снимайте, а на БМД пусть остаются пока.

– Товарищ полковник! – подбежал сержант Шматко. – Посты выставлены, все спокойно.

– Все нормально приземлились?

– Все! Почти… – сержант презрительно скривил губы. – Товарища коменданта вытошнило, врач его в чувство приводит.

– Понятно… Ну, что, Трофим Иваныч? Придется вам сказать приветственное слово. Больше некому!

– А что тут говорить? – пожал плечами профессор. – Прибыли? Прибыли. За работу!

– Вот это и скажете.

Вокруг командирской БМД собрались все, кроме врача Ханина и коменданта.

Усатенький молодчик, активный и скользкий Юра Семенов, попытался толкнуть речь, но Кузьмичев молча попросил его освободить гусеницу, и помог на нее взобраться Воронину.

– Товарищи! – громко сказал начальник экспедиции. – Что долго говорить? Эксперимент удался! Мы все на месте, живы, почти все здоровы (в толпе засмеялись). Будем работать! Товарищ полковник, вам слово!

Кузьмичев запрыгнул на гусеницу, поднялся на броню, и оглядел место приземления.

– Не нравится мне эта промоина… – сказал он. – Небось, потоки тут шпарят не хилые. Надо бы нам выбраться отсюда и переехать, куда посуше…

– Балки останутся там, где они находятся! – перебил его резкий голос Луценко.

Комендант в сопровождении Лядова подошел и хмуро оглядел Георгия.

– Ваша задача, товарищ полковник, – угрюмо проговорил Луценко, – заключается в укреплении обороны и отражении атак возможного агрессора. Вот и займитесь своим делом!

– А я им и занят, – спокойно парировал Кузьмичев. – Нельзя крепить оборону в низине, это ясно даже и ежу.

Комендант побагровел, но ничего не ответил. Отвернувшись, он скомандовал:

– Водителям БМД! Берите на прицеп балки и буксируйте их сюда, понима-ашь! Надо собраться покучнее! – оглянувшись на Георгия, Луценко пробурчал: – Я вас не задерживаю.

Кузьмичев отдал честь и спрыгнул на землю. На грунт.

– Шматко! – гаркнул он. – Скляров! Переверзев! Ко мне!

Десантники материализовались как по волшебству.

– Отберите каждый по двое рядовых, которые потолковее, и быстро сюда! Съездим на разведку. Заодно поищем, где лежат грузы и оружие… Трофим Иваныч! Вы с нами?

– Да, да! – обрадовался профессор, и снова полез на броню.

– Нет, полезайте лучше внутрь. Снаружи поедут те, кто с автоматом дружит.

Луценко ничего не сказал. Он сделал вид, что не заметил, как его приказ нарушен на одну пятую – Кузьмичев уводил командирскую БМД, не дозволяя ее механику-водителю принять участие в «кучковании» балков.

– Нажили вы себе врага, Гоша, – тихо проговорил Воронин, тискаясь в задний люк.

– Ничего, – усмехнулся Кузьмичев, – переживу как-нибудь. Поехали!

БМД взревела двигателем и двинулась к ближней осыпи.

Грунт был плотным, гусеницы не вязли. Машина взобралась по склону и перевалила взгорбок, с треском сминая густой красный кустарник. Стволики его были хрупкие и полые внутри, а увенчивались, как бунчуки, пучками длинных шелковистых нитей, рыжих и красновато-желтых.

– Смотреть в оба! – приказал Георгий. – Тут до нас никто не бывал, не ясно даже, чего бояться…

– Мы смотрим, товарищ полковник, – заверил Кузьмичева Переверзев.

Даже рядовой Саксин поддакнул в том смысле, что бдим и всегда готовы к труду и обороне.

Георгий усмехнулся – вот и польза от его длительных «загранкомандировок»! Солдаты уважали своего командира, принимавшего участие в действительных боевых действиях.

Взрыкивая мотором, БМД заехала в лес. Кузьмичев пригнулся под оранжевой плетью лианы и поставил автомат на боевой взвод. Волосатые кроны деревьев плотно переплелись вверху, создавая красноватый полумрак.

Под гусеницами зачавкало, меж стволов засверкали лужи, выдавая топкие места. Мириады воздушных корней свешивались из лиственного полога, уходили в болото, цеплялись за кочки. Корни торчали шерстистыми столпами и разлохмаченными канатами, порой истончаясь до размеров мохеровых нитей. Их вертикали перечеркивали петли лиан, иной раз отягощенные клейкими лиловыми гроздями. И что это такое висело? Инопланетные фрукты? Икра? Такая, вот, местная флора?

Лес не был тих – в путанице липких ветвей постоянно кто-то гукал и визжал, разноцветные многоножки то и дело плюхались в болото и выныривали оттуда. Глухо фукали созревшие спороносы, веером пуская рыжие султаны пыльцы. А потом по лесу разнесся отвратительный визг – мурашки по коже, и Кузьмичев услыхал клацанье спускаемых предохранителей.

БМД, не снижая скорости, выехала на обширную поляну, поросшую оранжевой и красной травой. Наперерез машине кинулось страхолюдное чудище – десятки суставчатых ног, мослами кверху, несли длинное членистое тело. Фасетчатые буркалы на плоской голове смотрели, чудилось Кузьмичеву, прямо в глаза ему.

«Ракопаук с Пандоры…», – мелькнуло у Георгия.

Многоногая тварь раззявила убийственные жвала, и снова завизжала – трапезничать желала. «Фиг тебе!» – подумал полковник и скомандовал:

– Огонь!

Сразу десяток коротких очередей прогремело по лесу. Пули рвали верхний шипастый панцирь арахнозавра и дырявили щетинистое брюхо, отрывали ноги, мочалили заостренную морду, но бестия продолжала переть на БМД. И пёрла, пока кто-то не угодил по ней гранатой из РПГ.

Громадный визгун задергался, конвульсивно изогнулся, сворачиваясь в колесо, суча ногами, и замер. А по поляне, по БМД скользнула тень.

Кузьмичев вскинул голову и увидел… дракона. Самого настоящего дракона, парившего на перепончатых крыльях. Ящер кружил над поляной, опустив плоский хвост, а его голова, тоже сплющенная с боков, словно стрелка компаса указывала на труп арахнозавра.

– Всем залечь! – крикнул Георгий. – Не стрелять!

Он спрыгнул на грунт, и десантники последовали за ним, прижимаясь к гусеницам, позванивавшим в натяг.

Дракон сделал еще круг и упал, складывая крылья. У самой поверхности он снова разложил их, резкими махами тормозя, выпустил когтистые лапы и подхватил арахнозавра, истекавшего мерзкой зеленоватой жижицей. Натужно хлопая крыльями, дракон улетел с добычей, а Переверзев выразил общее состояние:

– Фу-у… Ну, дает!

Из люка вылез восторженный механик-водитель Раджабов и громко сказал:

– Вот бы на кого поохотиться!

Кузьмичев улыбнулся и полез на броню, устраиваясь спиной к коробу со вторым комплектом «Спецтавра».

– А ты уверен, Джафар, – спросил полковник, – что это самая крупная дичь в здешних угодьях?

– А что, – округлил Раджабов, – тут и поболе найдется?

– Не знаю! – засмеялся Кузьмичев. – Мы тут первые. Можем этого дракошу назвать в твою честь. Дракониус Джафарис! Звучит? Или Раджабиус вульгарис!

Десантники грохнули.

– Нет уж, – фыркнул механик-водитель, тоже скалясь, – спасибочки!

– Пусть это будет орнитозавр! – послышался возбужденный голос Воронина, выглядывавшего из кормового люка.

– Пусть! – легко согласился Кузьмичев и скомандовал: – Трогай! И за шлемами приглядывайте, а то кокните еще…

БМД взревела, лязгнула гусеницами и снова вторглась в болотистые сумрачные джунгли. Переехав огромного трехметрового червяка и пару громадных слизняков, отвалившихся от ноздреватой коры деревьев, бронеход выехал на просеку.

Настоящая просека – широкая полоса, свободная от зарослей. Деревья или лежали выкорчеванные, или были сломаны у самого комля, а вдоль всей полосы тянулась цепочка огромных овальных ям.

– Кто ж это такой прошелся? – пробормотал Переверзев.

– Да-а… – затянул Шматко. – На такого, пожалуй, «калаша» не хватит… Тут только пушка сгодится!

– Вы лучше в другую сторону гляньте, – спокойно сказал Кузьмичев и показал на угол чего-то коробчатого, в потеках ржавчины, выглядывавшего из зарослей.

– Груз! – крикнул Переверзев. – Ей-богу, он! Джафар, газу!

Раджабов газанул, и БМД покатилась по просеке к «посылке». Вблизи оказалось, что на просеку выглядывал корпус «Шилки», четырехствольной зенитной установки-самоходки.

Но в каком же диком состоянии она была!

Ее сбрасывали в сентябре, однако, где парашюты? Где новенькая зеленая красочка? Весь корпус был коричневым и рыжим от ржавчины. Три ствола сгнили, а четвертый, хоть и держался, но был изъеден напрочь. Правая гусеница рассыпалась, на левой даже половина колесленивцев отвалилась, металл облезал струпьями и чешуями…

– Что за диво? – пробормотал Кузьмичев и спрыгнул на землю. На грунт.

Подойдя к «Шилке», он похолодел – так запаршиветь не могла даже техника, брошенная в войну. Полковник колупнул борт – и пальцами проломил броню.

– Трофим Иваныч! – позвал он.

– Я здесь… – глухо проговорил Воронин.

Профессор стоял рядом с ним и тоже смотрел на «Шилку». Смотрел с тоской и отчаянием.

– Что с вами, Трофим Иваныч? – встревожился Георгий.

– С нами, Гоша! – страдающим голосом сказал Воронин. – С нами! Эта ваша «Шилка» гнила здесь двести лет! Понимаете?

– Н-нет…

– Легенные помехи, будь они неладны! Я предупреждал этих верных ленинцев, чтоб им всем ни дна, ни покрышки! Легенные ускорения, Гоша… Легенные ускорения![13]

– Объясните толком, Трофим Иваныч! – начал сердиться Кузьмичев.

– Легенные – значит, произвольно меняющиеся, – попытался растолковать суть явления профессор. – При легенных помехах неизбежны чрезвычайно сильные искажения масштабов времени. Мы с ними столкнулись в пору первых запусков. Спускали с вертолета, на тросе, клетки с собаками – прямо в устье гиперканала, и вынимали. Рекс выбрался здоровым, голодным только, а вот Барсик… Клетка его насквозь проржавела, а от собаки только кости остались, да клочки полуистлевшей шкуры… Короче говоря, смысл вот в чем: обе клетки мы опускали буквально на секунду, но если для Рекса пребывание здесь, – профессор обвел рукой оранжево-красные заросли, – длилось сутки или двое, то Барс провел тут два века… Рексу, вот, повезло, но как, почему? Мы не знаем! Мы были должны, обязаны все это исследовать, прежде чем соваться самим, но этим… – профессор сдержался и не выматерился. – Приспичило отметить ноябрьские! Ну, что ты будешь делать…

Георгий медленно осознавал происшедшее.

– Так какой сейчас год? – проговорил он.

Воронин пожал плечами.

– Затрудняюсь сказать…

– Ну, хоть приблизительно!

– М-м-м… Где-то… Две тысячи двухсотый, плюс-минус пятьдесят лет.

– Следовательно, – измолвил Марк, – мы больше никогда не вернемся? Что ж, каждый человек имеет свои неприятности…

– Почему не вернемся? – сказал Кузьмичев. – Вернемся… Только какова будет та Земля и та страна, которые мы покинули, вот вопрос.

– Здорово, ребята! – звонко шлепнул по броне Раджабов. – В коммунизме побываем, в будущем!

Воронин тихо заплакал, стряхивая слезы под шлемом.

Десантники завздыхали, неловко топчась по броне.

– Та вы не журитэсь, прохвессор, – ласково пробасил сверхсрочник Шулейко, – Прорвэмся!

– Куда мы денемся… – вздохнул Кузьмичев и полез на броню. – Поехали, Раджабов, поищем еще грузы…

* * *

Двумя часами позже они сыскали в джунглях ржавый остов БМД-1 и пирамиду из рассыпавшихся бочек с солярой. Дизтопливо чудом уцелело лишь в двух бочках, прохудившихся не насквозь. Драгоценную солярку осторожно перелили в баки и запасные канистры. А когда тронулись в путь, Кузьмичев заметил в кустах ракету С-75, развалившуюся на три части. Это его добило.

Страшный удар пригнул душу, почти раздавил безысходностью – они остались совершенно одни, затерялись в безмерных далях!

Вне своей планеты, вне своего солнца, своего времени…

---

[13] Впервые были «исследованы» экспедицией в составе двух планетолетов первого класса «Таймыр» и «Ермак» («XXII век, Поддень»).

Промозглый холод отчаяния забрался Георгию под череп, полковник зажмурился и привалился к коробу ПРС. Стоп!

Он широко открыл глаза и задышал, умеряя сердцебиение.

Тихо, полковник, спокойнее… Ты не один, и никто из подчиненных тебе людей не должен услышать, как ты скулишь и нюнишь! Никто даже подумать не должен, что начгарнизона ослаб и поддался черной тоске! Ты за них в ответе, полковник. Не в то время прибыл? И государство, из коего ты отбыл, скорее всего, уже отсутствует на карте? Ну, и что? Люди-то остались! И Переверзев, и Марк, и профессор. И Алла…

– Возвращаемся, – скомандовал Кузьмичев, – искать больше нечего. Горючее экономить надо.

– И патроны! – поддержал его Переверзев.

– И патроны…

БМД тронулась, развернулась и поехала по своим же следам.

* * *

В лесу у самой промоины – слышны были взревывавшие шумы моторов – «бээмдэшке» пришлось задержаться. Из рощи красных лохматых деревьев выбралась колоссальная животина, с трехэтажный дом величиной.

Ее горбатую спину покрывали костистые гребни, могучие ноги-тумбы глубоко зарывались в грунт, выворачивая кустарник. Голова повернулась, шаровидные глаза на толстеньких стебельках закачались, обозревая возможного противника, и разверзлась пасть-кошелек, размерами равная воротам гаража. Хриплый басистый рев огласил окрестности. БМД почтительно остановилась.

«Чудище обло, озорно и лаяй» удовлетворилось произведенным эффектом, и побрело дальше, оставляя по себе просеку-продавку-прогребку.

– Ух, ты! – оценил зверюгу Марк, выглядывая из кормового люка. – Годзилла… Нет, давайте лучше назовем его годзиллоидом! Слушайте, товарищи, а мы ж еще не назвали саму планету! Предлагаю… Э-э… Вот есть у нас Юпитер с Марсом, а давайте этой дадим имя Перуна? В нашу честь. Все ж таки, бог войны!

– Перун был громовержцем, – улыбнулся Кузьмичев. – А бога войны наши предки звали Воданом. Викинги говорили – Один.

– Водан – лучше звучит! – согласился Марк. – Кто за?

Все, сидевшие на БМП, подняли руки с автоматами. Лязгнул люк, наружу выглянул Джафар с поднятой рукой.

– Я тоже за! – высказался он.

– За рычаги, живо! – шуганул его Переверзев, и механик-водитель просыпался на место.

БМД выехала на обрыв. Промоина открылась вся, занятая по центру базой – балками, соединенными в неровный квадрат, разорванный только в одном месте. Внутри четырехугольника в ряд стояли платформы с ящиками и бочками, а снаружи фыркали четыре БМД. Дно промоины все было исслежено гусеницами.

– Сколько горючки сжег, вонь рейтузная… – проворчал Шматко.

– Да при чем тут горючка! – поднял голос Переверзев. – Какой, вообще, дурак ставит лагерь на низменности? Вон, их же отсюда перестрелять всех – нечего делать!

– Ну, какой дурак – это ясно… – хихикнул Шматко.

– А если дождь пойдет? – встрял рядовой Саксин. – Тут же зальет все!

– Цыц, солобон! – весело прижучил его Шматко. – Шо делать будем, товарищ полковник? Как держаться?

Голос его стал серьезен – Шматко уловил перемену политического момента.

– Вот что, – сказал Кузьмичев. – Все мы давали присягу, и никто от нее нас не освобождал. Но! Народ тут – это мы, это вон те и-тэ-эр с мэ-нэ-эсами.[14] Нас мало, но мы в тельняшках. Следить за порядком – вот наша задача! Баб охранять и гражданских – тут есть, от кого. Вот и все…

– Значить, – заключил Переверзев, – мы будем слушать вашу команду, товарищ полковник. Как скажете, так и будем делать!

– Тогда вперед.

БМД съехала по насыпи вниз и остановилась рядом с четырьмя однотипными машинами. От балков побежали люди.

Кузьмичев узнал Аллу, ее подружку Наташу Мальцеву, биологиню, доктора Ханина. Ни Лядов, ни Луценко не показывались.

– Ну, что? – спросила Наташа, отпыхиваясь. – Нашли?

– Нашли… – криво усмехнулся Георгий. Он поднялся на ноги.

Народ прибывал – почти все уже стояли и топтались вокруг БМД. Даже комендант с помполитом приблизились. Кузьмичев поглядел на Воронина – тот вздохнул и покачал головой.

– Значит, так, – громко, командирским голосом сказал полковник. – Все грузы пришли в полную негодность. Почему? Потому что нас поторопили с запуском. Потому что легенные ускорения сделали свое черное дело. Сбросили нас, товарищи, в восемьдесят втором, а сейчас… Ну, примерно две тысячи двухсотый год! Или двести двадцатый – точно не известно. Так что на дворе, товарищи, двадцать третий век!

– Это провокация! – заорал Луценко. – Это происки!

– Если и происки, то ваши! – взорвался Воронин. Ученый был страшен. – Говорил я вам – подождать?! Говорил?! Что вы мне ответили, хрущевский выкормыш?! «Народ нас не поймет!» А вот теперь и отчитайтесь перед народом! Вы нас лишили родины! Даже если сюда прилетят наши потомки на звездолетах и вернут на Землю, то никого из родных и близких мы уже не застанем – все они умерли еще двести лет назад! Даже мой маленький внук!

– Молчать! – взревел Лядов и стал рвать пистолет из кобуры.

Кузьмичев поднял «калашников» дулом вверх, и дал короткую очередь.

– Предлагаю – ша! – гаркнул Марк Виштальский, поигрывая «макаровым».

Ропот в толпе пошел на убыль. Отто Янович, бледный и растерянный, развел руки в стороны, подальше от кобуры.

– Вы за это ответите! – прохрипел Луценко, с ненавистью глядя на Георгия.

– Все ответим, – усмехнулся полковник и опустил автомат.

Глава 5. ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

База на планете Водан, маленький слепок советского общества, подчинялась всем законам психологии и неписанным правилам человеческого общежития. На базе царили раздор и шатание.

Пятьдесят шесть человек, мужчин и женщин, молодых и не очень, ученых, инженеров, солдат, руководящих работников – всех их объединяла тоска по родине плюс инстинктивный позыв быть как все. Но людям мало просто объединиться в стадо – им еще надо выбрать вожака, чтобы признать его и пойти за ним. А за кем?

Больше половины продолжали держаться Луценко – коммунисты блюли партийную дисциплину, малодушных пугали неприятности, символом которых выступал Лядов. Другие склонялись на сторону Кузьмичева и его друзей. Доктор Ханин демонстративно не примыкал ни

[14] ИТР – инженерно-технические работники. МНС – младшие научные сотрудники.

к тем, ни к другим, и очень гордился своим свободомыслием. А кое-кто наивно полагал, что легенные помехи – это все выдумки или ошибка Воронина.

И вот они раз за разом задирали головы то к лиловому, то к бурому, то к белёсому небу, ожидая, что вот-вот развернется спираль гиперканала, и посыпятся оттуда бочки с дизтопливом и реакторы, детали Д-установки и строительные краны…

Но небо не размыкалось многомерными вратами.

Красное светило медленно опускалось за пологие холмы, облака на закате окрашивались в изумрудные тона, потом заходило голубое светило, видимое в размере меньшем, чем у земного солнца, и наступали темно-зеленые сумерки. Падала ночь, но не темная – две большие зыбкие луны, мешая на себе сияние обеих звезд, изливали бурый свет. И снова восходило солнце красное, зачиная долгие воданианские сутки, а часом позже вставал голубой гигант…

* * *

Лядова выматывал постоянный, нескончаемый страх. Как поселилось это гадкое чувство в минуту сброса, так и держалось в нем. И не убывало, крепло только. Сути легенных помех помполит не понимал, но Воронину он верил. За ничтожное мгновенье, которое потребовал выход в гиперпространство и вся эта дурацкая переброска, для них протекла секунда, даже меньше. А на Земле пролетело два с лишним века…

Лядов как-то прочел в «Науке и жизни» популярный очерк о сути теории относительности Эйнштейна, мало что понял, но вынес твердое убеждение: Вселенной правит полная невероять, и доверять здравому смыслу просто глупо, ибо он есть производное земного опыта, к космосу неприложимого…

В кабинет вошел Луценко и с порога спросил:

– Сколько людей у этого диссидента?

– Вы имеете в виду полковника? – поднял бровь Отто Янович.

– Да, да! – раздраженно сказал комендант. – Этот солдафон меня просто бесит!

Подняв покрышку дивана, он достал початый ящик консервов – НЗ для раненых и хворых – и вынул банку «Говядины тушеной».

Вскрыл ее, наколол на вилку аппетитный шматик, отломил ломоть круглого хлеба по двадцать две копейки.

Лядов покосился на Луценко – совсем не похоже было, что академик переживал из-за легенных помех. Вся база в трансе, женщины ревут, даже взрослые мужики истерику закатывали, какой-то сержантик пытался черепушку себе разворотить из «калашникова» – благо, Переверзев вразумил дурака, излечил «наложением рук»…

А Луценко хоть бы хны. Или он глуп, или отбоялся…

– Так сколько? – повторил комендант свой вопрос.

– Дюжина – это точно, – протянул Отто. – Но половина людей еще не сориентировалась. Надо вести разъяснительную работу.

– Ну, так ведите!

– Я и веду…

– А где он сам?

– Кузьмичев? Убыл на охоту – людей кормить нечем.

Луценко кивнул и облизал вилку – слова Лядова он не принял на свой счет, да помполит и не думал указывать коменданту на недопустимость и предосудительность его поведения – крысятничать и лопать втихушку, когда другим есть нечего. Он и сам кормился из того же НЗ. И прикармливал Семенова. Комсорг все-таки.

…Начало резко темнеть. Небо налилось темным малахитом, с юга поползли тучи красивого лилового оттенка, под ними позаривали молнии. Ударил гром – будто вагоны катались по рельсам.

– Дождь будет… – весомо заметил Луценко.

Выгреб последний кусок, вилкой скребя по банке, и сховал оную в пакет – не тот преступник, кто нарушает закон, а тот, кто пойман.

А следы не надо оставлять! Вот и вся метода…

– Слыхал, как этот враг народа планету назвал? Воданом! В честь бога, понима-ашь… Мало мне его антисоветской деятельности, так он еще и религиозной пропагандой занялся! Надо срочно собрать партконференцию и провентилировать данный вопрос. Дадим планете имя… мнэ-э… О! Назовем ее Ленина! Хм. Нет, так похоже на оленину… Еще анекдоты сочинят идеологически незрелые… Марксия?

– Леонида, – предложил Лядов. – В честь товарища Брежнева.

Загрохотало так, что стакан с графином жалобно зазвякали.

– Ну, и грозы у них тут… – пробормотал Луценко, разжигая примус. – Где чайник?

Отто встал и подал коменданту чайник с водой. Через окна-иллюминаторы и тонкие стены (слой стали-оцинковки, слой пенопласта, слой фанеры) донеслись панические крики.

– Что еще такое… – Лядов выглянул в окно, но ничего особенного не увидел. – Пойду, гляну.

– Давай… – буркнул академик, парторг и комендант, заваривая чай «Грузинский», опилки первого сорта.

Отто укрепил шлем и вышел во двор – пара мэнээсов металась у входа в периметр, на ночь «запираемый» БМД – бронемашина надежно затыкала ворота, грозя ворогу пушкой.

– Что случилось? – крикнул он.

В ответ он услышал матерщину. Потом одинокий голос проверещал:

– Потоп, вот что!

Люди выскакивали из домов и карабкались на круглые крыши. Срывались, падали, ругались. Старший планетолог Гоцман надрывался:

– Да что вы все как с ума посходили? Слушайте меня ушами – двери выдержат! Что вы бежите, как самые последние?

Лядов выскочил за периметр и резко затормозил. Если бы на его голове был не круглый шлем, а фуражка, она поднялась бы на встопорщенных волосах.

Дальние холмы скрывала сплошная стена дождя. На базу ни капли еще не упало, но сырой ветер дул в биофильтры, забивая их влагой, а в ущелье, которым заканчивалась промоина, пучилась белесая стена. Оттуда доносился низкий гул – это шла вода.

Помполит пискнул и помчался к балкам. Хлопнул дверью тамбура, махнул рукой на обязательную дезинфекцию и приник к окну, не обращая внимания на Луценко, прихлебывавшего чай из большой кружки.

– Что еще не слава богу? – проворчал комендант.

– Да так… – пожал плечами помполит. – Наводнение…

Луценко поперхнулся, а в следующее мгновенье грохочущая вода заполнила все видимое пространство, поднялась до окон, заплескивая мутной пеной и скребясь в стенки несомым песком.

Балок покачнулся. Его развернуло и резко накренило. Академик не удержался, упал, съехав на заднице под стол, едва не опрокидывая бюстик Ленина.

– Что за… А-ах!

Гулкий удар сотряс балок, заскрежетали камни.

– На убыль пошла! – крикнул Лядов.

Луценко замысловато выругался. Окно выпачкало грязной пеной, но кое-что было видно – стволы деревьев с обломанными сучьями плыли, кружась и заныривая, труп какой-то животины протащило…

Выйти наружу после схода воды оказалось непросто – песка и грязи нанесло выше колес, а кое-где и двери засыпало до половины. Пришлось тем, у кого вход-выход остался свободным, откапывать соседей.

Отто сухо поблагодарил «копщиков» и прошелся по периметру. Черте что… Четырехугольника больше не существовало – вода растащила балки, сгребла их в три кучки, а один даже опрокинула.

– Где БМД? – крикнул Лядов.

– Откапываются! – ответили ему. – Щас причапают!

«Щас» длилось ровно час. Три БМД с наносами глины на броне и даже на башнях, подъехали задом к перевернутому балку, суетливые мэнээсы зацепили тросы. Один трос сорвался и механик-водитель, высунувшись из люка, обстоятельно указал адрес, по которому ученым рекомендовалось прибыть в кратчайшие сроки. А четвертая «бээмдэшка» буквально влетела в расположение базы, и пара солдат – «верных режиму», как любил выражаться Лядов – закричала:

– Звери! Звери идут! Стадо! Огромные звери!

– Да что ж это такое! – зарычал помполит и бросился к проходу. Так и есть! Еще один вал клубился в устье ущелья – уже не белесый, а бурый, и не гул наплывал оттуда, а тяжкий-тяжкий топот.

– БМД в проходы! – заорал он, маша руками. – В проходы! Быстро! Сюда и сюда! Автоматчики – на броню!

Механики-водители его послушались и вывели броневики в проходы между скученными балками.

– По моей команде! – орал, надсаживаясь, Лядов. – По передним животным! Огонь!

Огромное стадо набегало из ущелья. Зверюги удивительно походили на китов-кашалотов – такие же тупые морды обрубком, и пасти снизу, только не плавники торчали у зверюг, а мощные лапы. Страшные лапы – на каждой по восемь когтей. Эти когти землю драли, что твои бороны.

Две пушчонки забрызгали огнем, забил пулемет, звонко сыпля гильзами, закашляли автоматы. Снаряды и пули рвали набегавшие туши, те падали, на них натыкались бегущие, и тоже получали свою долю осколков или прямых попаданий. Вскоре громадная плотина из мертвых тварей воздвиглась перед базой, преграждая путь стаду.

– Прекратить огонь!

Животные, вымешивая лапами грязь, оббежали базу двумя потоками и скрылись на другом конце промоины, где громоздились острые скалы.

Отто спрыгнул с БМД и подошел к гекатомбам, принесенным им в жертву неведомым богам. С туш текло. Противная зеленоватая слизь сочилась и собиралась в противные зеленоватые лужи. Это как же они будут вонять на солнцепеке…

Лядов обернулся и посмотрел на «верных режиму». Те стояли и, было видно, руки их тянулись чесать в затылках, да шлемы мешали.

– Чего встали, рты раззявили? – хмуро спросил помполит. – По машинам, и вперед – балки стаскивать до кучи.

«Верные» козырнули и бросились исполнять приказание.

Глава 6. ПЕРВАЯ КРОВЬ

– Профессор, а почему тут небо фиолетовое, – спросил рядовой Саксин, – а всякая флора – красная какая-то?

– Это все из-за атмосферы, – благодушно ответил Воронин. – Свет по-разному преломляется на Земле и на Водане. Да и газовый состав разный – у нас… хм… азота много плюс кислород, а здесь вместо азота – аргон и неон. А главное, атмосфера воданианская очень толстая. Вон, ночью звезд почти не увидишь! Из-за этого и растения красные да оранжевые…

Профессор ехал «верхом» – спиною к коробу «Спецтавра», в окружении десантников, пообещавшим Кузьмичеву защищать Воронина «до последней капли крови».

БМД ехала на охоту, причем в сафари принимали участие и девушки – Алла и Наташа разместились в отделении для десанта. Естественно, взяли их не на пикничок – надо было исследовать добываемое мясо на предмет питательности и усвояемости. Вдруг, да мясо какого-нибудь местного годзиллоида ядовито для хомо сапиенсов? Метаболизм не тот, или еще какая-нибудь хрень.

Кузьмичев ехал впереди, сбоку от башни, держась за пулемет – касания вороненого металла малость успокаивали. Все-таки крупнокалиберный…

Всего в километре от базы они убили первого «соискателя на строчку в меню», как выразился Марк Виштальский – огромную животину, ужасно похожую на кита и бегемота одновременно. Его жабья пасть впечатляла набором остреньких конических зубиков, но еще большее почтение внушали громадные когти, каждый размером с кривой кинжал, и числом восемь – на каждой лапе!

С легкой руки Марка животину нарекли гиппоцетом. К великому сожалению, гиппоцетину даже в рот взять было нельзя: твердое и упругое, как резина, мясо бегемота-кашалота еще и воняло премерзко – аммиаком.

Поехали дальше.

* * *

Дальше была мутная бурливая река. Деревья не подходили к самому берегу, они толпились на возвышенности и тянули к воде истончавшиеся ветви. Стволы деревьев покрывала пористая кора, мягкая, как поролон, с розовым отливом. Кора чуть заметно пульсировала, а когда мимо проезжала БМД, то ее морщило и кукожило.

На узкий песчаный пляжик не тянуло прилечь – песок дырявили воронки, на дне которых плотоядно шевелились пренеприятнейшего вида хилицеры[15].

Переверзев, в порядке научного опыта, кинул в одну из воронок кусок гиппоцетины – и уродливая морда, блестя фасетками, жадно ухватила подачку, впилась в нее и пропала под слоем песка.

– Так, дети, – сделал вывод старший сержант, – в песочке не играться, а то вава будет, не совместимая с жизнью!

Перебравшись вброд через реку, БМД осилила косогор и выбралась на столовую гору, окруженную скалистыми холмами. За вершиной стлалась равнина, а предел ей ложили горы, отливая темным изумрудом на ледниках и снежниках.

– Джафар! – позвал Кузьмичев. – Глянь по приборам, прикинь – высок тот хребет?

После секундного молчания из нутра БМП донеслось глухое:

– Ого, и еще как! Восемь-девять километров в среднем, а отдельные пики за полный десяток переваливают!

– Ось бы дэ полазыты!.. – жаждуще простонал Шулейко, скалолаз-экстремал. – Усэ ж таки, яка гарна планэта!

---

[15] Хилицеры – паучьи «клыки».

Шулейко, как и большая часть населения УССР, литературной «украиньской мовы» не знал, изъясняясь на «суржике» – адаптированной разговорной помеси русского с украинским. И чаще всего его вполне можно было понять русскоязычному «кацапу», как и Тарапуньку, беседовавшего со Штепселем на «Голубом огоньке».

БМД бодро скатилась по склону вниз, к прозрачной речушке, щебнистые берега которой были истоптаны копытами и лапами.

– Не водопой ли тут у местных зверушек? – задался вопросом Марк Виштальский.

– Мабуть, так! – кивнул Шулейко.

Резкий басистый клекот, раздавшийся из леса, был тому подтверждением.

– Приготовиться… – процедил Кузьмичев.

Треща деревьями, на берег выполз невиданный зверь – метров пятнадцати длиной, а в холке выше рослого Саксина. Качая плоской головой, он засвистел и приблизился к воде, раскачиваясь всем туловом. Из пасти у него торчали огромные клыки, причем только сверху, а нижней челюсти не было вообще – рот закрывался этакой мягкой треугольной губищей. Зверь подошел к воде, раскатал губу и вытянул огромный язык.

– Это у него типа хобота… – прошептал Переверзев.

– Да это и есть хобот! – сказал Шматко.

– Да тише вы! – зашипел Марк.

А полковник шепотом скомандовал:

– Огонь!

Пулемет выпустил короткую очередь и разнес шею чуду-юду. Голова его упала на гальку, хобот растянулся, попав между зубов, а тулово еще добрую минуту толклось по берегу, пока не упало в стороне от головы.

– А кровь-то красная! – воскликнул Виштальский.

Он соскочил с БМД и подбежал к голове.

– И вовсе это не зубы! – крикнул он. – Наташа! Глянь!

Девушки боязливо высунулись из люка, и вышли, приветствуемые бравыми охотниками.

– Смотри! – с гордостью указал Марк на жертву бронетранспортера. – Заметь, это не зубы, это трубки какие-то… Воздуховоды, что ли?

– А ты прав! – сказала Наташа. – Это что-то вроде трахей. Вот, в шее видно – по центру пищевод, плавно переходящий в хобот, а кругом, прямо внутри мышц – вот, видишь? – трубки воздушные… И куда они ведут? – разгорячившись на любимой работе, девушка и думать забыла об опасностях и угрозах. – А ведут они в воздухополость… Молодец, Марк! Садись, «пять»!

– А поцеловать? – подставил щеку одессит.

– А по шее? – в тон ему ответила Наташа.

– Вот так всегда! – вздохнул капитан Виштальский. – Двигаешь им науку, двигаешь, и никакой благодарности!

Мальцева только хмыкала, мешая реактивы и пробуя образцы мяса.

– А знаете, Георгий, – сказала она радостно, – мясо у трахеодонта вполне съедобное!

– У кого?

– У трахеодонта. Не все ж одному Марку местную фауну обзывать!

– Отлично, – кивнул Кузьмичев. – Тогда разделываем тушу и грузим вырезку. Все не поместится – в этом… э-э… трахеодонте центнеров пять весу.

– Да как бы не все шесть, – покивал Переверзев. – Значить, так, десант, ножи наголо! Налетай!

Через час упорных трудов большие куски трахеодонтятины были упакованы в отрезки виниловой пленки и погружены на броню.

– Поехали народ кормить! – весело скомандовал полковник.

БМД взревела годзиллоидом и поперла до дому.

* * *

Когда «бээмдэшка» въехала на обрыв и Георгий увидел гору дохлых гиппоцетов, он прикрыл глаза и замычал.

– Слов нет, – потрясенно сказал Марк, – одни слюни остались…

– Идиоты… – пробормотал Кузьмичев и рявкнул: – Раджабов! Вниз!

БМД ринулась под гору, словно с испугу, и не сбавляла скорости до самых балков.

Полковник спрыгнул на землю. Та-ак, где этот придурок? Широкими шагами он отмерил расстояние до Лядова, стоявшего руки в боки у входа в балок.

– Кто стрелял? – рявкнул Георгий. – Кто нагородил эту дамбу из падали?

– Ну, я, – сказал Лядов. – А что?

– Будь ты моложе, – с чувством сказал Кузьмичев, – я бы тебе сейчас морду набил, да так, что ты бы синий ходил! Какого хера ты навалил эти туши? Что, совсем уже ума нет? Так сними погоны и иди в землекопы! Хотя я бы тебе и лопату не доверил – опасно для общества!

Добровольцы, интересуясь деталями, сходились и жадно наблюдали за ходом скандала.

– Да как вы смеете… – забулькал Лядов, наливаясь нездоровым багрецом. Полковник схватил помполита за мягкий распах комбинезона и как следует встряхнул.

– Ты, урод! – прорычал он. – Ты долго нам вредить будешь? А?! Помощи от тебя не дождешься, ладно! Так хоть не мешай, сиволапый!

С отвращением отбросив помполита, Кузьмичев развернулся к солдатам, стрелявшим по стаду.

– Какого черта… – медленно выговорил он. Солдаты попятились.

– Мы выполняли приказ Лядова… – выступил рядовой.

– Я – ваш командир, а не Лядов, – зловеще-спокойно сказал Георгий. – Понятно?

– Да мы ж понимаем, – заюлил рядовой, – но надо ж было их остановить как-то…

– А головой думать ты не пробовал, служивый? – ласково сказал Кузьмичев. – На черта их было останавливать? Бегут животины – и пусть бы себе бежали! Неужто эти твари дурнее тебя, и поперли бы на балки? Короче, так: еще раз замечу, что исполняете не мои приказы – лично пущу в расход!

– Я не понимаю, – раздался за спиной полковника голос Луценко, – в чем проблема? Бойцы исполняли свой долг, защищали женщин и штатских лиц от нападения, понима-ашь…

– Проблема в том, комендант, что никто ни на кого не нападал! – резко сказал Кузьмичев. – А если у вашего Лядова очко заиграло, то пусть бы спрятался под койку, и не высовывался оттуда! Вы тут оба дел понатворили, а мне теперь разгребай!

– Не разводите панику, полковник! – процедил Луценко.

Георгий подошел очень близко к Павлу Николаевичу, приблизил свое лицо к комендантскому – у того глазки забегали и пот выступил – и раздельно сказал:

– Паника, академик ты хренов, будет чуть позже, когда придут ночные хищники. Уже стемнело и мы просто не успеваем оттащить туши подальше. И теперь придется оборонять каждый балок. Не спать всю ночь и исправлять последствия ваших с Лядовым долбанных инициатив!

– Я бы попросил… – засипел Луценко.

– Пшел вон! – бросил Кузьмичев и громко скомандовал: – Шматко! Скляров! Переверзев! Виштальский! Берите своих людей и распределитесь по балкам. Чтобы в каждом было хотя бы по двое автоматчиков. Раджабов! Поставишь БМД за крайним балком. Будешь отгонять хищников от базы с этой стороны. Где механики-водители? Живо ко мне!

Механики сломя голову помчались на зов. Полковник распределил все боевые машины по сторонам света, и занялся гражданскими.

– Трофим Иваныч! – подозвал он профессора. – Поговорите сами с учеными. Правила на эту ночь просты: балки ни в коем случае не покидать, свет не зажигать, к окнам не приближаться, комбинезонов и шлемов не снимать. И вообще – бдить!

– Вы уверены, что ночь будет опасна? – спросил Воронин.

– Я видел следы, – ответствовал Кузьмичев, – и остатки ночных трапез. И вы уж поверьте – ночка будет та еще!

* * *

Отцвела зеленая заря, предвещая ночь. Огромными пузырями всплыли луны, сначала одна, потом другая. На промоину опустилась тишина.

Лишь изредка тихонько повизгивали, разворачиваясь, башни БМП. Издали – из-за холмов, из-за леса, – доносился рев и клекот – ночные делили добычу.

Кузьмичев сидел в своем балке и лениво ковырялся в тарелке с жарким из трахеодонта. Мясо было вкусным, мягким, с лучком, с морковкой… Картошечки совсем чуток – экономили картошечку.

– Скажите, Георгий, – заговорил Воронин, – и поправьте меня, если я ошибусь… Вот вы, опытный, сильный, мужественный человек. Вы прекрасно разбираетесь в обстановке, видите, какие ничтожества нами руководят, и все же не пытаетесь навести порядок на базе. Почему вы терпите Луценко? Этого Лядова?

– Да, да! – подхватила Наташа. – Многие вас поддержали бы.

Не дождавшись голоса Аллы, Кузьмичев пожал плечами.

– Много – это сколько? – спросил он. – Наташенька, Трофим Иваныч… Я все вижу, все понимаю. Именно поэтому и терплю этих идиотов. Мой вьетнамский учитель – он был настоятелем буддистского монастыря – говорил так: «Не тряси дерево, пока плод зелен. Позволь ему созреть, и он сам упадет в протянутую руку!»

– Красиво, – согласился Воронин, – и верно. А не боитесь вы, что плод перезреет? Тогда он гнить начнет… И грянет тот самый – бессмысленный и беспощадный!

– Вот и надо успеть вовремя, – вздохнул Георгий. – Люди сами должны дотумкать: «Так жить нельзя!» А мое дело – помочь слегка. Чтобы не хлопали крикунам и болтунам… Тихо!

Полковник прислушался. Марк зажег карманный фонарик и посветил в окно.

– А-а! – закричала Алла.

В иллюминатор плющилась уродливая морда, сверкала тысячегранниками фасеток и блестела лезвиями роговых челюстей.

– Выключи! – гаркнул Кузьмичев, но было поздно.

За окном поднялся дикий хриплый вой, и морда вышибла иллюминатор, с визгливым скрежетом прорвала оболочку балка, полезла внутрь. Вой, зеленая слюна и смрад заполнили балок. Полковник, не думая, пустил длинную очередь в ревущее горло. Марк и Переверзев поддержали его.

Морда вырвалась наружу и через дыру стало слышно, как палят пушки. При свете фар БМД Кузьмичев разглядел непрошеного гостя. Зубастый визитер не поражал размерами – был он от силы метров трех-четырех высотою, бегал на двух лапах, еще четырьмя конечностями хватал добычу. Но больше всего в изумление приводил скелет твари – мало того, что он был внешним, как у местного арахнозавра или у земных инсектов, так еще и дырявым!

Это странное создание с экзоскелетом будто собрали где-то на заводе из двух типов деталей – толстых бубликов и чурбачков-обрубков – соединив их мышечными узлами. Два отвер-

стия сквозили в шее-груди, еще два – в области таза, даже голова со страшными челюстями, и та была дырява!

Пара снарядов попала в «гостя» – один угодил в грудное зияние и разорвался где-то на обрыве, зато второй разнес среднюю грудную пластину, расшвыряв осколки экзоскелета, и литры какой-то зернистой слякоти.

– Марк, за мной! – скомандовал Кузьмичев. – Шурик! Охраняй!

– Есть! – вздохнул Переверзев.

На «улице» царила кутерьма. Рычали двигатели БМД, лязгали гусеницы, в мечущемся свете фар скакали «дырявые», палили от живота десантники. Стрельба из «калашниковых» перемежалась с пушечной пальбой, сливаясь в аккорды знатной кордебаталии.

– Не разбегаться! – орал по рации полковник. – Всем держаться периметра! Группе Склярова удерживать северный проход. Группе Шматко – южный! Быстро, быстро! Саксин, Шулейко! Ко мне! Я у восточного прохода. Будем стоять здесь!

Из облака дизельного перегара выскочил Шулейко, за ним поспешал Саксин и молодой Эдик Яковец.

– Стрелять экономно! Внутрь ни одного гада не пропускать! Эй, на БМД! Беречь боезапас!

Сверху противно заскрежетало. С криком «Шкелет!» Шулейко кинулся к Кузьмичеву и принял на себя спрыгнувший с крыши живой костяк. Поскрипывая экзоскелетом, тварь вцепилась в Шулейко.

Застучал автомат, прорывая спинные пластины, но роговые челюсти уже схватили сверхсрочника за левый бок и перекусили, отполовинив и легкие, и сердце.

Георгий, рыча в жестокой ярости, в упор расстрелял «дырявого» – тягучая слизь плюхнула в лужу красной человеческой крови.

– Стреляй, стреляй! – заходился в крике Виштальский. – Вон еще один! Вон!

У колеса балка залег Саксин с пулеметом и начал кроить «шкелетов» по всему сектору обстрела. Самое, пожалуй, ужасное заключалось в том, что дырявые монстры не пугались выстрелов – перед ними в клочья разрывало чей-то экзоскелет, а они перепрыгивали убитого и мчались на вас по-прежнему. И их было много – целая стая роилась на грудах падали, терзая дохлых гиппоцетов.

– Прекратить огонь! – скомандовал Кузьмичев. – Раджабову и Веригину передвинуться к востоку, станьте между балками и стаей. Чебанову и Почтарю держать оборону вокруг балков. По пулемету на каждый проход! Если побегут кучно – забросать гранатами. И берегите боеприпасы!

Круговая оборона помогла удержать базу. До самого утра ночные хищники пировали на горе трупов, десантура стерегла балки, а отдельных дырявых особей, особенно наглых или тупых, набегавших на лагерь, отстреливали из пулеметов.

Так, без сна и отдыха, в постоянном напряге, прошла вторая ночь на Водане.

Глава 7. ПЕРЕСТРОЙКА

Шулейко похоронили утром. Могилу выкопали на вершине плоского холма, что наподобие острова высился по центру промоины. Вместо гроба использовали пустой деревянный контейнер, а группа Переверзева приволокла красивую глыбу камня, самой природой обколотую под вид пирамидки-обелиска.

Камень был полупрозрачен и отсвечивал желтовато-золотистыми тонами. Саксин неумело, но очень старательно высек на нем зубилом простенькое: «Микола Шулейко, 1956 – 1982». Истинной даты смерти не ведал никто…

Траурная процессия по дуге обошла причину беды – гору падали – и взошла на холм. Музыки не было, но суровое молчание навевало куда большую печаль. Кузьмичев аккуратно разложил красный флаг, выглаженный девчонками, и покрыл им гроб. Сержанты осторожно опустили его в идеально отрытую могилу. Окоп на одного…

В толпе завздыхали, послышался плач. Глухо ударили по крышке комки земли, заширкали лопаты. Когда поднялся холмик, Переверзев со Шматко и дюжим Женькой Сегалем накатили памятник.

– Скажи что-нибудь… – пробормотала Алла.

У Георгия что-то екнуло внутри – заговорила сама! И на «ты»!

Но момент… Ах, какой поганый момент!

Полковник сумрачно кивнул и выступил вперед.

– Ты отдал свою жизнь за командира, – сказал он, – ты прикрыл всех нас… Вечная тебе память!

Сухо клацнули затворы, ударил в лиловое небо салют.

Вот и все, угрюмо подумал Кузьмичев. Водан сожрал свою первую жертву…

Да нет, не так все просто. Водана накормили!

Георгий сжал зубы и прибавил шагу. Трупы «дырявых» или, как их по-научному назвала Наташа Мальцева – псевдоцефалов, валялись десятками, но живых не было видно ни одного – время вышло, нечистая сила убралась с рассветом… Зато орнитозавры, клекоча и свистя, дрались на куче битых гиппоцетов, неуклюже подпрыгивая и взмахивая крыльями. Человека поднимет с легкостью…

– Переверзев! – окликнул Георгий.

– Мы следим, товарищ полковник! – понял его мысль старший сержант.

Дошагав до балков, начгар круто развернулся и показал на балки, занесенные песком и глиной выше колес:

– Лопаты в руки, и откапываем!

Солдаты мигом вооружились саперными лопатками, лица гражданской наружности взяли в руки заступы. Кузьмичев нашел себе подборную, и работа пошла. Никто даже не спросил – зачем они орудуют шанцевым инструментом. Сказали: «Копать!» – копают…

Первым очистили балок инженерной группы. БМД вытянула его на жесткой сцепке. К обеду все балки выкатили на ровное место, прицепили по два, по три за каждой из бронемашин и выстроили в рядок. К походу готовы.

– Помянем Миколу, – распорядился Георгий, – и выезжаем. Первой пойдет командирская, остальные за ней.

– А куда? – спросил Раджабов. – На ту гору?

Кузьмичев кивнул.

– Это где вершина плоская? – уточнил Джафар.

– Да, – терпеливо сказал полковник. – Только держись левого берега Радужного озера – там грунт посуше. Потом просекой между Серыми Болотами и Белой горой, а Горячие источники оставляешь слева.

– Все ясно! – разулыбался Раджабов.

– Лю-уди-и! – прокричала Наташа и для убедительности постучала крышкой кастрюли по борту балка.

Помянуть Шулейко решили его любимым борщом и тремя кукольными порциями водки. Собраться вместе было просто негде, и все разбрелись с судками по своим балкам.

Обтерев спецкостюм тряпочкой с бактерицидкой, Алла прошла на свое место и сняла шлем.

– Когда мы, наконец, начнем без этих «горшков» ходить? – пробурчала она.

Наташа покачала головой.

– Мы нашли пару опасных вирусов, – сказала она, – Ханин пробует вакцину сделать, но… не знаю.

– Так ведь, всю жизнь в скафандре не проходишь. Фильтры скоро кончатся…

– Попробуем дотянуть до зимы, – вздохнула Наташа. – Мы улетали осенью, и прилетели в осень… На морозе походим – все ж вирусов поменьше будет, привыкнем, выработаем хоть какой-то иммунитет. Ну, земля пухом нашему Миколе…

Не чокаясь, все выпили. После наваристого, янтарно-багрового борща с ха-арошим куском мяса, люди заленились – давала себя знать бессонная ночь.

– Спать хочу… – пробормотала Алла.

– Ложись, – улыбнулся Кузьмичев.

– Мне стыдно-о…

– Ложись, ложись…

«Панночка», довольно стеная, вытянулась на откидной койке. Минуты не прошло, как пальчики у нее на ногах стали подергиваться – девушка кого-то догоняла во сне…

Георгий сидел неподалеку и испытывал усладу примирения. Ведь не просто так Алла отменила ему меру наказания! Теперь главное – опять все не испортить. Зря она ему тогда не врезала, может, скорее прочухался бы…

Он слишком привык решать амурные проблемы от первого лица. Ладно, там, Хелена, Лейла, Лиен… Но у Аллы есть и свое «Я», и веления ее с хотениями тоже надо, хоть иногда, учитывать.

И, главное, попробуй-ка теперь оправдай свой солдатский эгоизм!

И сегодня ты здесь, и завтра. Может, хоть послезавтра отзовут?

Кто? Куда? Знать бы…

– Надо же… – вздохнула Наташа. – На Земле не навоевались, так и сюда войну занесли… Скажите, Гоша – можно вас так называть? – вот вы воевали… Каково это, вообще? Вот, вы же были в Египте, да?

– Был, – кивнул Кузьмичев. – И в 67-м был, и в 70-м… Каково это…

Ему не пришлось даже напрягать память – события тех лет встали перед ним, словно произошли вчера.

– Наши ракеты стояли на горе близ местечка Фаид, – вспоминал Георгий, – на берегу Большого Горького озера – это сразу за Суэцким каналом. Весь склон горы, помню, изрыт был воронками от НУРСов[16] и пятисотфунтовых бомб. Пристрелялись…

* * *

…Снаружи было жарко – настоящее пекло, а в бетонном блиндаже стояла духота. Пустыня…

Скорпионы с фалангами кусаются, а хамсин, самый проклятущий ветер на свете, дует пятьдесят дней в году, забивая песком глаза и легкие, фильтры дизелей и электронные схемы ЗРК.

Капитан Кузьмичев отер пот с лица – сдохнуть можно… Ноги нещадно грызли блохи, над ухом заунывно, как муэдзин, зудел упитанный египетский комар.

Георгий сел, сунул ноги в разношенные «шип-шипы» и вылез из блиндажа – все равно не отдохнешь.

– Кузьмич, сабахуль хейр! – подошел Адель, чернущий араб-ракетчик. – В КаПэ?

Капитан кивнул и надел каску – такая тут была неуставная форма одежды – обувка, трусы и каска. Под рваным тентом маялся лейтенант Кобенко.

[16] НУРС – неуправляемый реактивный снаряд.

– Чего это хабир Юра, – приглушенно спросил Адель, показывая на лейтенанта, – такой смурной?

– Жрать хочет хабир Юра… – буркнул Кузьмичев.

И тут завыла сирена. Куда только девалась вялость – мигом все разбежались по местам.

– Самолеты противника прямо по курсу! – закричал Кобенко.

Георгий развернулся к востоку – в дрожащем мареве ветхозаветных песков Синая шли на бреющем три «Миража».

Израильтяне, испробовав силу русских ракет, приспосабливались – выходили в атаку на предельной скорости, прижимаясь к земле, точно зная, что С-75 не берут низколетящие цели.

Была у ракет и еще одна не простреливаемая зона – по вертикали. С-75 не задирались точно в зенит, и вот этой-то «мертвой воронкой» евреи и пользовались – делали горку и входили в пике.

Арабы, побросав все, дружно спасались.

– Куда?! – заорал Георгий, преграждая дорогу Аделю. – Мы тут за вас кровь лей, а вы драпать?

– Аллаху акбар! – хрипел Адель. – Аллаху акбар!

Сорвав каску, Кузьмичев с размаху влепил ею по худой арабской морде.

Рев пикирующих «Миражей» вознесся в запределье. С подвесок истребителей сорвались и протянулись к земле дымные векторы ракет. Загрохотали взрывы, перетряхивая пески. Металлические иглы из боеголовок высекали искры и пропахивали глубокие борозды в бетоне.

В клубах дыма и пыли воспарили рваные куски металлических ангаров. Осколок бомбы срезал Аделю голову – курчавая башка, вращаясь и брызгая кровью, ударила Кузьмичеву в спину.

Капитан только сжался и прибавил ходу.

Отбомбившись, первый «Мираж» уваливал прочь крутым разворотом. Сразу две «Шилки» захлестали тяжкими очередями. Есть! Подранили! «Мираж» вильнул, перекашиваясь на левое крыло, за ним потянулся черный хвост. Медленно снижаясь, истребитель со звездой Давида на консолях пропахал пески и взорвался, клубясь оранжевым и копотно-черным. В белесом, изжаренном небе раскрылся белый одуванчик парашюта. А с востока заходили сразу двое…

Георгий ворвался в кабину – там жара, все в касках, трусах и с противогазами.

– Вижу цель! – заорал Кобенко.

Оператор нежно взял ее на автоматическое сопровождение. Оператор ручного сопровождения подслеживал. Психуя, оператор наведения стучал ногой по металлическому полу кабины. Светились зеленым экраны. Звучали краткие доклады и тут же отдавались резкие команды.

Надсадный вой истребителей действовал на нервы, холодок подавленного страха протекал по хребту, в пальцах бегали ледяные иголочки.

– Пуск!

«Миражи» совершили противоракетный маневр – спикировали с разворотом в сторону канала и включили форсаж. Тут-то их и достали «семьдесят пятые» – сначала одного, потом другого. Спаренный рев оборвался двойным взрывом. Огненные шлейфы, клубясь и брызгая, уперлись в пески, и к дымным облакам добавилась туча пыли…

* * *

…– Вот таково оно и было, – договорил Кузьмичев.

– Терпеть не могу скорпионов и тарантулов… – проворчала Наташа.

– Кому что! – хохотнул Переверзев и зажал рукою рот.

Но нет, Алла даже не шевельнулась.

– И сколько ж это будет продолжаться… – вздохнула Мальцева.

– Ефремов, по-моему, в «Часе Быка», – заговорил Марк, – доказывал, что цивилизация, летающая к звездам, не будет агрессивной. Дескать, для того, чтобы звездолеты клепать, надо и высшую форму экономики иметь, и высшую форму общества, то бишь коммунизм. А разве можно коммунарам воевать? Ответ отрицательный!

– Товарищ капитан, – спросил его Переверзев со въедливостью, – а вы где? Я «Туманность Андромеды» тоже читывал! Помните, куда там Мвен Мас собирался? На Эпсилон Тукана! Это рядом с нами – налево пройти, и свернуть.

– Свернуть… – криво усмехнулся Шматко. – Хотели американцам в спину вдарить, и свернули…

– Вот я интересуюсь, товарищ полковник, – сказал Марк, – а в «войну миров» вы верите? В межпланетную войну? Или, там, межзвездную?

– Что значит «верю ли»? – проворчал Кузьмичев. – При чем тут вера, вообще? Тут политика… Разводим мы политику на Земле – и ведем войны, то локальные, то мировые. В какую точку на карте не ткни – везде горячо. А дорастем до астрополитики – начнем войны межзвездные…

– Да чего в космосе делить? – поразилась Наташа.

– Как что? Планеты! Вот, представь себе – прилетели мы на далекую планету. Хорош мирок – и воздух, и вода. Только начали мы колонию устраивать, как прилетают братья по разуму и заявляют: мотайте, дескать, отсюда, мы ее первыми нашли! И какие будут варианты?

– Ну, если они первые, – неуверенно проговорила Мальцева, – то можно и уйти…

– В том-то и дело, что нельзя, – вздохнул Георгий. – Уйти – это значит показать слабость. Тогда братья по разуму могут нас со всех наших будущих колоний попросить!

– А потом и на Землю явятся, – вступил Марк. – Скажут, что нас тут не стояло.

– Вот именно. Так что придется защищать планету-находку. Не удастся удержать – отступим и попытаемся по новой отвоевать.

– Не понимаю! – сердито сказала Наташа. – Ну, можно ж поделить. Планета же немаленькая!

– Можно, – согласился Кузьмичев. – Только, где поделено, там и границы проведены. И очень скоро начнутся пограничные конфликты, борьба за передел мира. Тоже, знаешь, мало хорошего!

– Господи, – вздохнула девушка, – одна война на уме… Вот уж, правда – от ума горе!

– Но не навсегда, – улыбнулся полковник. – Не верю я, что сверхцивилизация будет воевать. Обычные, такие, как у нас, будут обязательно, потому что, имея силу, хочется и приложить ее. Или побороться с иной силой. А сверхцивилизация – это могущество, настоящее, как у волшебников или этих, демиургов, им-то война ни к чему. Планеты? Да демиурги их запросто сотворят! Надо будет – поменяют светимость звезды или вообще новую зажгут… Но между Человеком Разумным и Человеком Всемогущим ой-ой-ой сколько лет! Мы до тех времен точно не доживем.

Все помолчали.

– Ну, ладно, – вздохнул Кузьмичев. – Пора трогаться. А то потом не успеем вторую ходку сделать… Оставайся, Наташа, мы пока доедем – выспаться успеешь!

– Ага! Я потом ночью не засну…

– Заснешь, заснешь! – уверил ее Переверзев. – Тебе надо отдохнуть, а то кто же нам такой вкусный борщ варить будет?

– Кто о чем, – съязвила Наташа, – а Шурик о своем желудке беспокоится!

Похохотывая, десантники вышли.

– По машинам! – скомандовал Кузьмичев.

Командирская БМД, ворча двигателем, вывернула на осыпь и поднялась к лесу. По ее следам въехали остальные. Переезд начался.

* * *

На плосковерхой Базовой горе нашлось подходящее местечко – под высоченной скалой, как бы на приступке. Балки поставили в круг, и полковник повел БМД обратно в промоину – надо было захватить оставшиеся грузы, что лежали в бочках и ящиках, да служебные балки. Горючего сжигалось уйма, но куда денешься?

Вернулись они часам к пяти. Затянули волокуши внутрь квадрата из балков, и Кузьмичев с удивлением заметил что-то новенькое – на шестах была растянута маскировочная сеть, а под нею рядами стояли стулья и трибуна. На стульях сидел народ, а с трибуны толкал речь сам Луценко.

– Товарищи! – говорил он. – На нас возложена большая ответственность. И оказано большое доверие. И никто пока не отменял главной задачи – создания инопланетной базы для оказания превентивного удара по проклятым империалистам! Да, возникли трудности, но когда это коммунисты отступали перед трудностями? Вы что-то хотите сказать, товарищ комсорг?

Комсорг подскочил с места и бойко заговорил:

– Мы предлагаем назвать эту планету Леонидой, в честь дорогого товарища Леонида Ильича Брежнева! Образовать Леонидянскую АССР и просить Совет Министров СССР и Политбюро ЦК КПСС включить ее в состав РСФСР!

– Запишите в протокол! – важно велел Луценко.

Кузьмичев сбавил шаг.

На него оглядывались, Переверзев со своими «голубыми беретами» сидел в последнем ряду и откровенно развлекался. Углядев командира, он кивнул ему и подмигнул.

– Это что еще за малохудожественная самодеятельность? – лениво спросил Георгий, выходя к трибуне. – У вас что, комендант, работы нет? Так я вам ее найду.

– Народ, – внушительно сказал Луценко, – проводит общее собрание. Это важно!

Полковник взял со стола президиума, где восседали Лядов и председатель месткома Арнаутов, листок с повесткой дня.

– «Отчет о проделанной работе»… – прочел он, усмехаясь. – Вы о какой работе толкуете, комендант? Когда это вы трудились? На Земле дурью маялись, языком болтали, а теперь и здесь хотите говорильню развести? Не выйдет.

– А что вы имеете против докладчика? – напыжился Арнаутов.

– Ничего, – хладнокровно сказал Кузьмичев. – Гнать его надо со всех постов. Вы что делать-то умеете, Луценко? У вас же ни ума, ни фантазии, и руки из жопы растут! Кому вы здесь нужны? И что тут, на вашей подтирке, написано? «План мероприятий»! Каких мероприятий? – возвысил он голос. – «Всемерно увеличить, повысить эффективность, обеспечить рост»? Нам дело нужно! Конкретное! Вам, руководство долбанное, не профсоюзные конференции разводить надо, а о зиме думать. Зима катит в глаза! Вот что важно! А вы базу к зиме подготовили? Утеплили стены балков? Заготовили дрова? А печки ставить вы когда думаете? А припасы на зиму копить? А шубы шить, унты, шапки, штаны меховые? Варежки вязать, свитера, шапочки, шарфики? Вы чем, вообще, думаете, «ум, честь и совесть нашей эпохи»? Почему я должен за вас все делать? Почему я должен людей кормить?

– А им зачем? – крикнул с места Переверзев. – Они же весь НЗ заграбастали, и жрут тушенку втроем – комендант, помполит и комсорг!

– Клевета! – заревел Луценко.

– Ха! – Переверзев встал и громыхнул грязной авоськой с пустыми консервными банками. – А это что? Эй вы, «проклятые расхитители социалистической собственности»! Вот

они – баночки! Их ваш холуй – извините, комсорг! – лично прикопал. Видать, в благодарность за то, что к кормушке допустили!

– Ах вы, сволочи! – закричала Алла. – Это же для больных!

Люди повскакали с мест, и уже не ропот – рев заметался под маскировочной сеткой. Слышались возгласы:

– Опять они жрать будут, а мы голодать!

– Я блокаду пережил, замерзал, хлеб с опилками ел! А эти икрой обжирались, и у теплых печек грелись!

– Долой!

– Да сколько ж можно терпеть это издевательство?!

– Гнать их к чертовой матери!

– Раскулачить – и к стенке!

Кузьмичев спокойно вынул пистолет из кобуры и выстрелил вверх. Мгновенно упала тишина.

– Обойдемся без высшей меры, – спокойно сказал он. – Нас и так мало.

– Так эта ж свинья ничего не умеет! – раздался голос с места. – Верно вы сказали! Званий нахватал, а толку? Чего его зря кормить?

– Зря кормить мы никого не станем, – громко сказал полковник и спрятал пистолет в кобуру. – А насчет неумения… В армии бытует такая поговорка: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим!»

Да даже и заставлять мы никого не станем. Пусть действует принцип социализма – «Не работающий, да не ест!» Вот, поголодают денек – сами прибегут на работу проситься!

В толпе засмеялись – напряжение спадало.

– Запишите в протокол, – повернулся Кузьмичев к секретарю – бледной дамочке в возрасте. – Назначаются выборы коменданта базы.

– Себя, небось, прочите? – усмехнулся Лядов, дергая лицом.

Георгий глянул в злобные, ненавидящие глазки помполита, и покачал головой.

– Я офицер, – сказал он, – и моя задача – оборонять базу от внешнего врага. А надо будет, – полковник усмехнулся, – и от внутреннего защитим. Я предлагаю избрать комендантом Воронина Трофима Ивановича. Кто «за», прошу поднять руки!

Собравшиеся дружно вскинули руки.

– Кто против? Воздержался?

– Против проголосовали семь человек, воздержались трое, – проблеяла секретарь. – Большинством голосов избран Воронин Трофим Иванович…

Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.

– Поздравляю, Трофим Иваныч, – улыбнулся Кузьмичев растерянному профессору. – Принимайте бразды правления!

– Да я… – слабо воспротивился Воронин. – Думаете, я сумею?

– Сумеете! – сказали в толпе. – Чего там!

– Ну… – профессор развел руками. – Спасибо, конечно, за доверие… Постараюсь оправдать…

Георгий обернулся к экс-коменданту, вцепившемуся в трибуну, и показал пальцами: мотай отсюда!

– Прошу, Трофим Иваныч. Скажите свое веское слово!

Воронин неуклюже занял место Луценко, прокашлялся, и сказал:

– Я, вообще-то, не оратор, я только лекции читать могу. Но тут полковник все до меня сказал: пора, давно пора готовиться к зиме! Тут нам никто не поможет. Если сами не побеспокоимся, никто нас не прокормит и не обогреет до теплых дней. Вот, и займемся этим прямо с утра! Тут, за горой речка протекает, по ней деревья растут… ну, они не совсем деревья, и

кора у них не совсем кора… Да ладно. Главное, что она уже не пульсирует, не накачивает воду – вся высохла и стала похожа на пенопласт. Или на пробку. Надо нам содрать ее пластинами и обложить балки…

– И колеса надо с балков поснимать, – предложил с места Раджабов. – Чтоб не потрескались на морозе!

– Правильно! – обрадовался Воронин. – Поснимаем и спрячем до весны. Печки выложим, а трубы выведем по месту прозрачных колпаков, что на крышах. А стволы деревьев, когда кору снимем, попилим и порубим. Ну, а насчет шуб и прочего… Тут уж вы сами, товарищ полковник. Я уж и не знаю, с кого тут шкуры снимать!

В толпе засмеялись, а Наташа вскочила и закричала:

– В лесу зверь такой водится, мы его подобрахией назвали! У него шерсть густючая-густючая! Ее и настричь можно, ниток насучить и на спицах потом вязать. А можно и шубы шить или, там, унты. Только я не знаю, как…

– Научимся, – сказал Кузьмичев. – Куда мы денемся…

Глава 8. ПЕРЕЛОМ

Прошла неделя. Пролетела другая. Пронзительное фиолетовое небо затянули серые, с сиреневым отливом тучи. Стали задувать колючие ветра. Листья-волосы секлись и обсыпались, ложась под деревья с нежным шелестом, а ветви скручивались в клубки и прижимались к стволам, словно прячась в их густой древошерсти.

Развесистые псевдобураки укорачивались и раздувались, походя на громадные крутобокие бочки – каждая на тыщи литров. Изо всех пор у них сочилась густая белая жидкость, на воздухе она пузырилась и застывала желтоватой пористой коркой. А заросли поличинара иначе готовились к холодам – обрастали жирком под кожистой корой, так, что тоненькие колючие веточки стали походить на палки колбасы и гирлянды сарделек.

Многие животные покинули леса. Собирались в стада и мигрировали на юг гиппоцеты и трахеодонты. Однажды ночью выпал снежок, и с утра стали видны цепочки следов, оставленных псевдоцефалами – «дырявые» тоже отправились в теплые края.

Туда же, шумной, драчливой стаей, отлетели орнитозавры.

Только лохматые подобрахии бегали по лесу, да угрюмые годзиллоиды по-прежнему ломились напрямик через чащу. Осатаневшие от голода мелкие арахнозавры сбивались в стаи, и нападали на этих гигантов. Годзиллоиды слабо реагировали на атаки этих полуинсектов-полурептилий – гребли себе землю, аки экскаваторы, в поисках сочных клубней картоплянии, набивали ими великанскую пасть, и только отряхивали со спины особо надоедливых. Но арахнозавры были упорны, они не снимали осаду, раз за разом штурмуя живую «крепость». И тогда годзиллоид приходил в ярость. Взревывая и харкая, колосс начинал бешено крутиться, давить мелкоту ножищами и сметать хвостищем-булавой. Деревья разлетались в щепу, почва разрывалась глубокими бороздами, а замешкавшегося хищника размазывало тонким слоем.

Но иногда «крепости» сдавались – за Серыми Болотами охотники наткнулись на исполинский костяк годзиллоида, выеденный до блеска. Никакая костяная броня не уберегла громадное травоядное – спаянный коллектив одолел кустаря-одиночку.

…Люди приспосабливались к новой жизни. Балки обкладывались пластами коры, каменные печи выглядывали корявыми трубами там, где раньше блестели плексоглассовые колпаки.

Обкорнанные стволы пилили на чурки, кололи, рубили и складывали дрова в поленницы. Охотники с раннего утра до позднего вечера таскались по лесу, добывая подобрахий и снимая их роскошные шкуры. Арахнозавры уже на опушке встречали БМД – только что членистыми своими хвостами не виляли – и провожали, предвкушая поживу.

Освежеванные туши подобрахий, по полтонны каждая, люди не забирали с собой – мясо было жестким и вонючим. А визгунам и такое годилось.

В кругу балков сооружали баню – оставалось только щели законопатить здешним красным мхом. Из пустых бочек – горючее улетало ведрами! – смастерили коптильню, а мясо для нее добыли, завалив из пушки годзиллоида. Окорока выходили – объеденье! Ломами и кирками долбили мерзлую землю, добывая мучнистые клубни картоплянии, каждый размером с волейбольный мяч. Выбирали сладкую середину наростов на стволах поднебесников. Шили шубы, вязали шапки. Жизнь налаживалась…

* * *

Лядов постоял у окна, выглядывая, не прибыли ли охотники. Кузьмичев, если заметит, как они отлынивают от работы, может запросто лишить обеда. Экс-помполит прошипел пару матерков.

– Нет, с этим надо что-то решать, – сказал он, обращаясь к Луценко.

Экс-комендант уныло покивал. Вся его вальяжность куда-то подевалась, он стал похож на полусдутый воздушный шарик.

– Дрова рубил весь день, – сказал академик-парторг плачущим голосом, – у меня мозоли на руках полопались, а эти гады смеются только!

Лядов сжал зубы и оглядел остальных. Кем из этих лишенцев можно заменить Кузьмичева?

Арнаутовым? Этот член ВЦСПС и на Земле сачковал, и на Лео… тьфу, на Водане ерундой занимается. Абсолютно безынициативный и безыдейный товарищ. Да он и с виду таков – рыхлый, бесформенный какой-то, лицо будто под старую копирку оттиснуто – стерты черты, смазаны. Примет нет – ни особых, никаких вообще… Комсорга поставить? Юрочку? Так он же трус и слабак. А подхалимаж у него в крови – быдлом рожден. Всех, кто ниже его, пинает, всем, кто над ним, зад лижет. А, может, этого выдвинуть, «знатного рабочего»? Лядов перевел взгляд на Панайотова. Этакий благообразный старец – седые усы, очки с круглыми стеклышками. Таких любили показывать в фильмах о трудной жизни пролетариев до революции. Так он такой и есть – пролетарская морда… Алкаш со стажем, лодырь потомственный, но активист – на всех собраниях руку тянет. И бойко так языком чешет – то империалистов громит, то сионистов клеймит, то еще какой гневный протест выражает…

Отто усмехнулся. Выходит, что единственная кандидатура вождя – это он, Отто Янович, старший сын немца-эмигранта из «Рот фронта» и полячки-гордячки Ядвиги. Сколько он потом натерпелся из-за такой родни…

– По сути, – начал он, – назначение Воронина незаконно.

– Правильно! – горячо одобрил комсорг.

– Произошел переворот, – продолжал Лядов, – можно даже сказать, путч. И наша задача – вернуть базу на путь социалистической демократии. Не дать всякого рода ренегатам и перерожденцам испохабить те великие ценности, за которые боролись наши отцы в октябре семнадцатого!

– Согласные мы! – взволнованно сказал Панайотов.

– А способ у нас один, – веско заключил Отто, – с оружием в руках встать на защиту завоеваний социализма!

Панайотов сразу поскучнел, Семенов продолжал улыбаться, но в лице его пробивалась некоторая растерянность и легкое беспокойство. Одно дело – болтать о вооруженном восстании, и совсем другое – самому браться за оружие. Пуля – она ж дура, еще попадет не в того… В тебя, молодого и здорового…

– Что скисли? – недобро усмехнулся Лядов. – Не волнуйтесь, «парабеллумов» я вам раздавать не намерен, у нас тут не «Союз меча и орала». Есть человек, который возьмет на себя всю черную работу. Нашелся во вражьем стане умный товарищ! А вот и он…

В дверь балка потарабанили условным стуком. Отто открыл и впустил десантника с лычками старшего сержанта.

– Знакомьтесь, – торжественно сказал он, – генерал Скляров!

Лядов был очень рад и горд, когда старший сержант сам вышел на него и предложил свои услуги. Помполит еще на Земле досконально изучил личные дела каждого из добровольцев. Ни к кому особых претензий не было. Кроме Склярова.

Года два назад прапорщика Склярова поймали на торговле армейским имуществом. Прапор тогда сумел отбрехаться, и даже остался в рядах, но в звании его понизили. Лядов имел полное право отказать старшему сержанту в приеме на службу в секретный проект, но что-то ему подсказало тогда все-таки подписать направление. Может, то было наитие? Вот и пригодился тот зигзаг по линии работы с кадрами…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.